

КРИСТИНА ЧУРИКОВА

НЕМЧИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кристина Чурикова
Немчик

«Автор»

2026

Чурикова К.

Немчик / К. Чурикова — «Автор», 2026

В 1992 году Антон и Вера Вальтер попали на поруки к бабушке Агате после бегства родителей от бандитов. Двойняшки выросли в окружении любви и заботы полукровной немки Агаты Рольфовны Вальтер, но Антон с детства вёл двойную игру. Он тесно дружит с сыном местного авторитета Ромой Грозовым и шепотным корейцем Жожиком, пропитавшись порядками того мира, от которого так усердно ограждала бабушка. На дворе 1998 год, одиннадцатиклассникам Антону, Вере, Роме и Жожикю предстоит переступить черту взрослой жизни. Первая любовь, разочарование, неудобная правда, безденежье и отчаянное желание не увязнуть. Что такое школьный аттестат, если каждый проходит свой собственный экзамен?

© Чурикова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я такой же, как ты, хулиган.	5
Глава 2. Ребята с нашего двора.	18
Глава 3. Охота на волчонка.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кристина Чурикова

Немчик

Глава 1. Я такой же, как ты, хулиган.

Антон вздрогнул во сне и вскинул голову, издав на выдохе шумное «Ах!», когда сквозь дрему услышал патефон. Старый бабушкин любимчик закричал истёртую пластинку, разгоняя мелодию по всему дому. Антон знал наизусть почти все песни, которые звучали в обители бабули, и немудрено, ведь он с сестрой жил у неё с двенадцати лет.

Репертуар особо не менялся. В основном это были французские шансонье по типу Эдит Пиаф, немецкая эстрада её молодости и некоторые отечественные исполнители вроде Леонида Утёсова. По крайней мере, это те, кого он запомнил. Веселые мотивы отскакивали от винила, треща и наполняя помещение заводными аккордами пианино, а на переднем плане соловьём заливалась женщина с упругим звучным голосом. Она ярко выражено картавила, исполняя песню на французском с элементами кабаре, и очень эмоционально выделяла припев.

Блондин беззлобно закатил глаза и усмехнулся, узнавая песню «Милорд» Эдит Пиаф. По его подсчётам бабушка включала её примерно три раза в неделю, чаще с утра, как сейчас. Не без помощи бабушки он дословно знал и перевод, на автомате проговаривая слова на русском в голове.

Оглядывая комнату под музыкальное сопровождение, Антон потянулся к тумбочке и стащил с неё очки, водружая их на глаза. Парень выставил перед лицом руку, проверяя наручные часы, и оттянул уголок рта в сторону. 8:30.

Назревающая перспектива опоздать на первый урок отнюдь не порождала позитивных эмоций, хотя он и знал, что не высидит и половины расписания. Ему показалось странным, что патефон заиграл так поздно. Обычно он и служил им будильником — как изощренный метод ба вывести из царства Морфея креативным способом.

Видавшая виды кровать скрипнула, когда парень поднялся, отталкиваясь ладонями, и поплёлся в ванную, попутно надев школьные брюки, что погладила бабушка прошлым вечером и заботливо повесила на стул. В коридоре на втором этаже было прохладнее, чем в спальне.

Музыка играла намного ярче, обретя свободу от толстых стен спальни Антона. Если в комнате она звучала где-то на периферии, упорно пробиваясь через закрытую дверь, то теперь Антон чувствовал себя этим воспеваемым «Милордом», шаркающим к заветной ванной. Утреннее солнце подогревало спину, заливая коридор из окна рядом с лестницей на первый этаж, но и оно не могло спасти от промозглого холодка октября.

Комнатные тапочки дважды стукнулись подошвой о половицы, когда парень остановился рядом с дверью в спальню сестры. Он прислушался, пытаясь понять, началось ли движение за ней, и вскинул брови, осознав, что в комнате Веры непривычно тихо для такого времени.

— Вера? — позвал он, постучав три раза. — Я зайду? — Ответом была только музыка на фоне.

— Вер, я захожу, — предупредил он, перекрикивая музыку, и надавил на дверную ручку.

Дверь отъехала, открывая ему вид на хаос внутри. На полу были разбросаны листы бумаги, изрисованные простым карандашом: много различных изображений людей, леса за окном её спальни, милых котят, прытких лошадей, птиц. Антон пригляделся к обрывку рисунка, погребенного под листами с очевидными попытками нарисовать разные породы попугаев, и присел на корточки, поправляя очки.

Он поддел лист пальцами и вытянул на поверхность, взявшись за изображение второй рукой. Невольно на его лице появилась улыбка при виде знакомого портрета. Бабушка смот-

рела оттуда большими выразительными глазами серого цвета. У Веры точно получилось передать её рассудительный, пронизательный взгляд, коим она владела чуть ли не с рождения. Он хмыкнул, узнавая восходящие брови ба, делающие лицо всегда немного удивленным. Будучи блондинкой от природы, она красила брови светло-коричневой краской, чтобы они не блекли на фоне избытка белого. Короткий вздернутый нос, заостренные губы — всё это принадлежало ба.

Она имела длинные ноги, за счет чего выглядела высокой. В свои пятьдесят восемь Агата Рольфовна была стройной женщиной с короткой стрижкой, которую постоянно оформляла в пышную прическу на манер 1950-х.

Антон посмотрел вправо. Вера спала в кровати, раскинувшись на ней, будто вернулась глубокой ночью со смены на заводе. Музыка не беспокоила сон девушки, но стрелки часов неумолимо ползли к 9:30, когда должны начаться уроки, а Вера бы точно занималась самобичеванием всю предстоящую неделю, если бы опоздала хоть на секунду.

Опять рисовала допоздна...

Антон усмехнулся своей мысли и выпрямился, подходя к постели сестры, переступая через художества, как по минному полю.

— Вер! Вера! — он тормошил её за плечи, на что блондинка хмурилась во сне и отворачивала сморщенный нос от него. Немного подумав, Антон добавил. — Опоздали, Вер! Капец! Вставай давай! Сиваконь нас с говном сожрет!

И это подействовало. Девушка распахнула глаза и подскочила в постели, словно её окатили из ведра ледяной водой. Она часто задышала, будто произошла катастрофа, и устремила округленные глазёнки на брата.

— Как опоздали?! Почему ты не разбудил? Я же...у меня доклад! Блин... — блондинка хлопнула руками по одеялу с оленем и запустила пальцы в волосы, еще больше лохматя ровно стриженное каре. Антон крикнул со смеху, видя, как взметнулась её чёлка, топорщась ирокезом. — Да что смешного?!

— Ладно, ладно, осади, — брат смеялся, пальцами выравнивая ей чёлку. — есть еще время. Я сейчас в ванную метнусь по-бырому, а ты тут приберись, пока ба не увидела.

Он протопал к порогу и прикрыл за собой дверь. Мелодия сменилась. Теперь играла композиция «Non, je ne regrette rien» той же певицы. Антон вытащил белое полотенце из небольшого комода и закинул его на плечо, заходя в ванную. Щелкнув выключателем, он сразу столкнулся со своим отражением в зеркале над раковиной. Комната представляла собой маленькое пространство, где от раковины до унитаза была всего пара шагов. По правую руку парня стояла ванна с голубой шторкой и средствами для стирки под ней. Рядом с ванной кое-как вмещалась стиральная машинка. Сама ванная была отделана фисташковой плиткой, чтобы не раздражала глаз. Такой минималистичный дизайн. Хотя, он не сомневался, будь комната больше, бабушка и сюда бы добралась со своим придирчивым вкусом.

Он плескал в лицо холодной водой, зачерпывая её в ладони, и слегка притопывал ногой в такт тянущемуся мотиву. Остатки влаги он распределил по белым волосам, чувствуя, как приятно немеет кожа, как от ментоловой зубной пасты. Пока зубная щетка шустро шуршала у него во рту, Антон изучал ссадины на груди, плечах и животе. Повреждения имели застарелый вид, по меньшей мере двухнедельный, и уже были едва заметны, но парень всё ещё видел темные разводы, будто на плохо отстиранной ткани. Результат дискотеки в местном ДК. Антон, Рома и Жожик весело проводили время, танцуя под Ласковый май, когда появились пацаны из соседнего посёлка. Они не слишком жаловали чужаков, считая посёлок исключительно своей территорией, а Рома так и вовсе был убежден, что «каждый должен выебываться в **своём** дворе». Первым драку спровоцировал Жожик, харкнув одному из пришлых в банку с пивом. Трое на троих. Другие двое приезжих стояли в тени, пока Рома Гром с друзьями возил по танцполу

несчастных бедолаг. В какой-то момент Антон перестарался, услышав хруст, а затем безумный вой противника. Кажется, он сломал ему руку, хотя был не до конца уверен.

Не так уж сильно Антон давил, по его мнению, но не исключал, что мог не рассчитать. Для одиннадцатиклассника парень был довольно развит физически. Они всей троицей проводили массу времени в спортзале, посещали одну секцию по боксу, а летом устраивали заплывы на скорость в местной речке. В свои восемнадцать блондин имел широкие плечи, развитую грудную клетку, узкие бёдра и выраженный рельеф мышц. Когда школьная медсестра измеряла его рост в сентябре, он уже достигал отметки 1 м 90 см. Антон был поджарым, от чего телосложение хорошо гармонировало с возрастом, делая парня привлекательным.

В целом Антон всегда был симпатичным. Будучи ребёнком он вызывал вздохи умиления у прохожих, благодаря большим серым глазам, природному холодному блонду и прелестным губам бантиком. По мере взросления черты его заострились, утрачивая детскость и обрстая мужеством. До первой встречи с ба он задавался вопросом: «Почему такая разница во внешности с родителями?»

Мать Антона — Лорелея приходилась родной дочерью Агате Рольфовне, но полностью пошла в покойного папу, переняв от него каштановые волосы и темно-зеленые глаза. Рольф — дед Лорелеи и отец бабушки Агаты имел немецкое происхождение. Он женился на русской девушке и переехал в СССР, до конца дней работая переводчиком. Именно Рольф Вальтер и положил начало сероглазым блондинам в их семье. Алексей — отец Антона и Веры так и не смог смириться с тем, что ни один из детей не взял ничего от него. Хотя сейчас Антон бы с ним поспорил, ведь сам Алексей обладал развитой мускулатурой и широким размахом плеч, какие приобрел и сын.

Вспоминая родителей, Антон всегда чувствовал упавший валун где-то внутри. Они с сестрой не видели мать и отца уже шесть лет с тех пор, как у Алексея на работе возникли неприятности. Судя по спешному отъезду из Екатеринбурга, эти неприятности были серьезными. Детей особо не посвящали в детали, Антон узнал от бабушки только в седьмом классе, что отец спутался с бандитами. До этого долгое время звучала придуманная взрослыми версия о том, что им нужно уехать на заработки. По этой причине Веру и Антона приютила ба летом 1992 года. Родители уехали, напоследок пообещав забрать их, как только смогут, и первый год Антон верил в их возвращение. Однако позднее стало ясно, что обещание матери зависло в подвешенном состоянии.

Иногда родители присылали какое-то количество денег, это случалось редко, но тем и ограничивалось. Ни писем, ни телеграмм, ни сообщений, ни звонков. Всё в рамках тщательной конспирации, чтобы преследователи не вышли на след детей. Антон не знал, где сейчас мать и отец, да что там, он вообще никогда не знал этого со дня их отъезда.

Более того, с двенадцати лет Антон и Вера стали носить не только другую фамилию, но и отчество. Лора сочла это необходимым, чтобы обеспечить максимум безопасности для них. В случае чего искать будут Преображенских, так? И, соответственно, ориентироваться на отчество Алексея. Вряд ли кому придет в голову шерстить, скажем, немецкие фамилии. Мать перезаписала отпрысков на свою девичью и сменила их отчество, указав в документах имя деда.

Антон Рольфович Вальтер. Было так непривычно уживаться с таким замысловатым набором, но и выбирать ему не пришлось. Вскоре он вполне свыкся с экзотической природой своего имени, а потом и вовсе нашел как нельзя подходящей образу «немецкого» блондинчика.

«Ну, ты ариец, ёпта!»

Вырвалось у Жожика, когда Антон впервые переступил порог их класса. Одноклассники с любопытством разглядывали «белых ворон», пока они с Верой ждали, за какую парту определит их учитель. Рома тогда посмотрел на него как-то странно, словно настороженно, а вот на Вере его взгляд разглядился так, что можно было разглядеть ирам над бровью.

Потом произошла перепалка с Костей Зубровым — мальчишкой из класса. Когда учитель отлучилась к директору, чтобы прояснить нюансы, тучный парень со струпьями на щеках и желтыми зубами приказал Антону вытереть доску. Класс замер в ожидании, со жгучим любопытством гадая, как отреагирует новенький. Вера перевела на брата встревоженные глаза, напоминая запуганного зайчонка. Прежде Антон не сталкивался с типами, подобными Зуброву, и никогда не дрался, поэтому просто застыл на месте, буравя толстяка ледяными кварцами из-под линз очков.

— Ты че, немчура, оглох?! — хриплым наглым голосом протянул Зубров, но назревающий конфликт прервал вернувшийся учитель.

Эта ситуация не прошла для Антона бесследно. Опускаясь за парту, указанную учителем, он зыркнул на Костю так, что вполне мог полоснуть ему щёку, не прикасаясь. Пыл подогревала Вера, которая сидела рядом, боясь пошевелиться, дабы не привлечь ненужного внимания. Она вся съезжилась, явно ощущая себя, как на пороховой бочке, и опасливо поглядывала на тучного мальчишка. Необузданная ярость закипела в блондине. Жирдяй унизил его перед классом, перед родной сестрой, но больше Антон злился на себя, тупо застывшего в растерянности. Уезжая, отец сказал ему, что он, как единственный мужчина в доме, должен быть опорой и защитой для бабушки и сестры, а что вышло на деле? Стоял, как истукан, проглатывая откровенное оскорбление.

Исполненный решимостью, Антон каллиграфическим почерком нацарапал ручкой записку и кинул на парту Зуброва, скомкав листок в шарик, пока учитель повернулась спиной. Толстяк лениво посмотрел на послание, отнял руку от подбородка, который подпирал весь урок, и, грузно выдохнув, развернул шарик.

Прошла минута, прежде чем Зубров ослабился, кидая на Антона многообещающий взгляд. Он кивнул и бросил записку на парту Ромы и Жожика, стреляя бровями в направлении блондина. Те двое усмехнулись, разрывая клочок бумаги. Вечер обещал быть интересным.

После уроков Антон сказал Вере подождать его в фойе, а сам пошел за школу к месту назначения. Там его уже поджидала троица в полном составе. Он почувствовал, как похолодели руки, а кишечник придавило чем-то тяжелым. Накатила предательская дрожь, сердце застучало почти истерично, появилась лихорадочная мысль развернуться и бежать, но блондин задвинул её подальше, стиснув зубы и спрятав руки в карманы куртки.

— Че, Фриц, пришел извиниться? — Зубров сплюнул желтую слюну на землю и обнажил ряд покрытых налётом зубов. Рома и Жожик тихо посмеивались за его спиной, не без интереса наблюдая за развитием событий.

— Ты вёл себя неподобающе!.. — начал Антон, перебитый каркающим смехом Кости, вскинувшего брови после последнего слова.

— Неподобающе...ха-ха! — перекивлял он, глядя на лица дружков через плечо. — Ты че, интеллигенция дохуя, белобрысый? — он подошел ближе и ощутимо толкнул Антона в плечи, от чего тот едва устоял на ногах.

Гримаса злобы исказила лицо Антона. Он рванул вперед и толкнул в ответ, с удовлетворением отмечая, что толстяк беспомощно покачнулся, размахивая руками, чтобы поймать равновесие.

— Тебе пиздец! — выплюнул Зубров и прыгнул на Антона, метая кулаком в нос. Блондин шумно выдохнул и согнулся, чувствуя, как искры боли разлетелись фейерверком. Сморгнув слёзы, Антон провёл пальцами под носом, утирая тонкую струйку крови. — Ещё поддать, мудила?!

Не дожидаясь, пока противник придет в себя, Зубров ударил с колена в живот, лишая Антона возможности дышать. Земля собралась под ногтями, когда блондин упал, выставив ладони. Очки слетели, а без них мальчик едва ли мог разглядеть хоть что-то дальше собственного носа.

— Тебе это не надо, — Костя поднял очки, потряс ими в воздухе и отшвырнул, тут же получая неодобрительный взгляд Ромы. — сейчас уделаю тебя по-быстрому и по домам!

Толстяк уже замахнулся, готовясь нанести новый удар, но Ромка оглушительно свистнул.

— Слышь, а ну, дёрнул стоп-кран! — властно произнёс мальчик с яркой, диковатой внешностью. — Не по-пацански делаешь!

— Во-во, ёпта! — кивнул Жожик, выступая вперед и прикрывая собой Антона. — Фары пацану верни!

— Да вы че, пацаны?.. — Зубров сглотнул, отступая и теряя браваду. — За этого Фрица пишется?!

— Фриц тебя чуть не завалил... — с ехидцей хмыкнул Рома. — а в стёклах, наверно, и по морде бы заехал, если бы видел, куда лунить.

— За зенками суетнулся, ёпта! — Жожик нахмурился, потянув Зуброва за грудки одной рукой и отбрасывая от себя.

— Я не видел, куда кинул... — хныкающим тоном промямлил толстяк, растерянно оглядывая землю.

— Ищи, сука! — рыкнул Рома. — Времени у тебядохуя. Мы не торопимся.

Сквозь размытые очертания двора Антон увидел протянутую руку. Жожка наклонился к нему, оттягивая уголок рта в полуулыбке. Напрягая зрение, блондин ухватился за грубую ладонь корейчика и поднялся на ноги.

— Ты это...не думай там, что мы беспредельщики какие. У нас всё по чесноку, ёпта... — тон Жожика был отчасти виноватым, будто он лично отвечал за благонадежность Зуброва.

— Всё нормально, — отмахнулся Антон, всё ещё пытаясь поймать фокус на лице корейца. От короткого диалога их отвлёк выкрик Ромки.

— Че воешь, баран?! — он грозно нависал над Костей, рыскающим в траве в поисках очков. Толстяк ревел, как маленький ребёнок, хрюкая при попытке проглотить соплю. — Сука, если не найдешь, я тебе переебу чем-нибудь!

— Да пошёл ты! — Зубров вдруг подскочил, рожа его блестела от слёз и соплей, он потянулся, чтобы оттолкнуть Ромку, но мальчишка увернулся от грязных лап, и жирдяй, поскользнувшись, оказался на земле.

— Жан Клод Ван Даун! — хохотнул Жожка, тыча локтем в живот Антону.

— Так! Это что ещё за безобразие?! — все трое подняли головы на раскрытое окно в кабинете математики. Оттуда, перегнувшись, кричала пожилая учительница в очках с цепочкой.

— Драпаем! — скомандовал Рома и подбежал к Жожике, становясь по другую сторону от Антона. — Взяли! — мальчики схватили его под руки и рванули прочь со школьного двора, бросив Зуброва перекрикиваться с училкой.

Антон просто перебирал ногами, стараясь не чинить препятствий своим провозжатым, пока они удирали по проселочной дороге. Внезапно хлесткое напоминание ошпарило его.

— Стойте! Там сестра! Вера в фойе! — кричал он, кивая головой на здание школы, пока ребята замедлялись, переводя дух.

— Ладно... — протянул Рома, щурясь. — я приведу.

Хватка слева исчезла, когда брюнет разжал руки и бросился назад, придерживая по пути шапку. Они не успели убежать далеко, но этого хватило, чтобы математичка потереяла их из вида.

— А неплохо ты его боднул-то... — Жожка просиял, сужая и без того узкие глаза в улыбке. — реально, я думал, кабан землю проломит, если свалится!

— Да ладно...я просто... — Антон не знал, что на это ответить. Он чувствовал себя горностаем на чёрных камнях. Уязвимо и неловко.

— Та хорош скромничать! — кореец потрепал его по плечу. — Я сразу понял, очкарик зверь-ёпта! Не затерпел, позвал Костяна раз на раз. Мы таких пацанов уважаем! Я кстати Гоша. Ну, чаще все зовут Жожсей.

— Почему? — Блондин свёл брови.

— А так короче, — пробубнил кореец, поведя плечом.

— Ясно...я Антон.

— Большие похож на Ганса! — хохотнул Жожик, на что блондин закатил глаза. — Та ладно, маузер, не напрягайся, я прикалываюсь!

— Маузер?.. — блондин сощурился так, что верхняя губа слегка приподнялась.

— Ну, ты ж Вальтер! — воскликнул Гоша, будто это всё объясняло, и цокнул, не находя понимания. — Ну, пистолет типа! Вальтер там...маузер... — перечислил корейчик знакомые слова из фильмов.

Антон хмыкнул, поглядывая на него искоса. Естественно он слышал о существовании такого оружия, но ему не приходило в голову отождествлять себя с ним.

— О! Идут! — Жожка ткнул пальцем в две шагающие фигуры. Ромка шел, расправив плечи и засунув руки в карманы спортивных, а Вера семенила рядом с ним, прижимая к груди ранец.

По мере приближения мутные тени приобрели слабые очертания, и Антон улыбнулся, различив холодный блонд сестры. Она тут же юркнула к нему, хватая брата за руку ледяными пальцами.

— Тоша, что с тобой? — тихий, дрожащий голос Веры раздался у самого уха. — У тебя кровь... — она произнесла это так, словно расплачется с минуты на минуту.

— Да пустяки, маленькая, — брат вытер засохшую корку рукавом и выдавил улыбку. — так...дерево не заметил... — он неопределенно пожал плечами, тут же слыша два коротких смейка.

— Дерево сейчас как раз у директора сидит, сто пудов! — Ромка переглянулся с Гошей, и они оба состроили лукавые гримасы.

— Внатуре? — Жожка вскинул брови.

— Ага. Мы когда за ворота выходили, его математичка за шкварник вела.

— Думаешь, стуканет, ёпта?

— Пусть попробует... — Рома красноречиво стукнул кулаком об ладонь. — ты это, братуха, не серчай там, — он смотрел на Антона, приподняв подбородок. — мы-то по началу смекнули, что ты терпила, а оно вон как... — Громов кивнул, довольно усмехнувшись. — не очканул кабана.

— Вы с ним разве не друзья? — спросил Антон, и вопрос повис в воздухе, пока мальчишки поджимали губы в раздражении.

— Мы с беспредельщиками дружбу не водим. — отрезал брюнет, хмурясь. — Косяков за ним нормально накопилось. Но наезжать при девчонке... — карие глаза невольно скользнули по лицу Веры. — и окуляры выкидывать — это уже дно.

— Ахуевший бабкин внук, ёпта... — добавил Жожик, кривясь при воспоминании.

— А ты вот пацан ровный! — вдруг повеселел Ромка. — Я Рома Громов, если что, — он протянул руку, и Антон пожал её на автомате. — так что, если че, можешь с нами двигаться.

Антон сканировал радужками своих новоявленных знакомых. Вернее, их мутные силуэты. Первый день в новой школе прошел поистине «искромётно». Он подрался, если можно так назвать, спустил по социальной лестнице мерзкого типа и, вроде как, обзавёлся сторонниками. Блестяще. Эти двое не шли в сравнение с ребятами из школы в Екатеринбурге.

Бывшие одноклассники вели себя подчеркнуто вежливо, даже церемониально, как и подобает детям, чьи родители имеют доход выше среднего. Они бы ни за что не ввязались в драку, считая это ниже своего достоинства. Либо просто не желая замарать дорогие вещи. Притворство было их каждодневным ритуалом, и показное дружелюбие испарялось, как только заканчивались уроки. В этих же двух парнишках на удивление чувствовалась прямота и неподдельная человечность, как бы странно это ни звучало. Не было необходимости притворяться, Антон чувствовал комфорт рядом с ними. Будто в подтверждение его мыслей Рома вынул из кармана что-то сверкнувшее на солнце.

— На вот кстати, — он держал очки за оправу, протягивая блондину. — я же сразу их подобрал, а кабана решил проучить, чтобы неповадно было...

— Тош, ты скоро? — Вера появилась в дверях, прижимаясь щекой к косяку. Видимо, долгое ожидание её утомило. Антон сморгнул, возвращаясь в реальность, и закрутил ручки крана.

— Я всё, — объявил он и протиснулся между сестрой и узким свободным пространством, выскользнув из ванной.

Парень на ходу вытер лицо и закинул полотенце на дверь своей спальни. Музыка продолжала отскакивать от стен коридора, пока он спускался с винтовой лестницы из красного дерева. Из того же материала были обиты стены коридора на втором этаже. До середины тянулись бордовые панели, а ближе к потолку переплетались винтажные розы на бежевых обоях. На первом этаже стены были выкрашены краской пудрового цвета, она была универсальной для кухни, гостиной и спальни бабушки. Слишком уж ба любила этот цвет. В разных частях холла стояли цветы в высоких китайских вазах, от кухни и до гостиной висело разнообразие семейных фото, а разбавляли их классические картины. Антон по привычке мазнул взглядом по Девятому валу Айвазовского, не переставая поражаться таланту художника, изобразившего море и небо так реалистично, что, казалось, перед ним фрагмент настоящей жизни.

Из кухни потянулся сладкий аромат ванильного сахара и аппетитный запах муки. Они перемешивались с фруктовым парфюмом бабушки, источавшим шлейф спелого винограда, и клубничным вареньем, которое ба выкладывала на блюде ложечкой.

Антон вошел на кухню под песню Клавдии Шульженко и тут же почувствовал тёплые объятия жара от плиты. Он сел за стол, наблюдая, как бабушка суетится у шкафчиков, ловко вынимая расписанные подглазурной росписью тарелки.

— Проснулся, мой хороший? — женщина заулыбалась, и её серые глаза наполнились нежностью. — Доброе утро, Антон! — бабушка бегло чмокнула его, оставляя след от красной помады на щеке внука, и поставила перед ним тарелку. — Такой казус! — она хлопнула в ладони, качая головой. — Я имела наглость проспать! А вместе со мной и вы. Ну, ничего-ничего, без завтрака никто не уйдет! — бойко заявила она, выставляя в центр стола блюдо с горой панкейков. На вершине пирамиды таял кубик масла, а недалеко от блюда стояли блюдца с вареньем и сгущенкой на выбор.

— Доброе, ба, — запоздало сказал парень, обмакивая панкейк в сгущенку. — как спалось?

— Замечательно! — Женщина взяла салфетку из салфетницы и оттерла помаду от щеки внука. — Вечно забываю... — она махнула рукой, как бы сетуя на дурную привычку. — где твоя рубашка?! — Агата немного подкинула тональность, замечая голый торс.

Антон будто только сейчас вспомнил об отсутствии верха. Он выпучил глаза и за малым не подавился кусочком лакомства, заполнившего рот вместе со сгущенкой.

— Наверно, оставил в комнате... — он уже собрался встать, но Агата Рольфовна командирским жестом провела кистью сверху-вниз по воздуху.

— Я принесу. Ешь скорее, времени мало, — она коснулась его плеча фалангами пальцев, и Антон отметил новый цвет её ногтей. *Сегодня сиреневый*. Ба вышла, а за ней полетел след винограда и взбитых сливок. Яркие, приятные, уютные духи, как сама их владелица.

Патефон наполнял первый этаж музыкальным аккомпанементом, а блондин жевал вкуснейшие в мире панкейки, как он сам считал. Ба всю жизнь проработала поваром в ресторане Дивнодольска — соседнего городка. Любое блюдо выходило шедевром из-под её руки. Он посмотрел в том направлении, куда она ушла. Сегодня на ней была надета голубая водолазка почти без рукавов, серые бриджи с высокой посадкой и комнатные балетки. На голове высилась та же пышная причёска, а на ресницах неизменный слой туши. Ба давно вышла на пенсию, но не проходило дня, чтобы она не выглядела так, словно собирается давать показ мод времён стилинг. Несмотря на возраст, кожа бабушки едва подёрнулась морщинами, за исключением тех, что образовались в уголках рта — результат пережитого горя после утраты мужа. Она приобрела несколько пигментных пятен и стала наносить жирный крем на руки и шею, когда кожный покров начал иссушаться. Тем не менее, она по-прежнему оставалась утончённой красивой женщиной, от которой всегда пахло парфюмом и лаком для волос.

— Вот и мы! — ба пропустила вперед Веру, чуть задерживаясь под аркой в кухню. — Твоя рубашка, зайчик! — материя плавно коснулась его плеч, когда бабушка накинула рубашку, как мантию. — Верочка, давай, не зевай! — женщина сама положила ей в тарелку пару панкейков, пока внучка разглаживала на себе свитер, надетый поверх блузки. — Ой! Да красotka-красotka! — поцокала языком ба, заправляя локон ей за ухо. Вера улыбнулась в воротник и разломила панкейк пополам, обмакивая одну половину в варенье, а другую в сгущенку. — Моя девочка... такая прелесть!

Агата отступила, упираясь поясницей в столешницу тумбы, и скрестила на груди руки, с широкой улыбкой вгоняя Веру в краску.

— Да вы оба у меня лапушки! — она не сдержалась и чмокнула каждого поочередно, сразу же подавая салфетки внукам, чтобы те вытерли помаду со лбов. — Много сегодня уроков?

— Пять! — выпалила Вера, пока брат шурился, пытаясь вспомнить, какой вообще сегодня день. — Я полностью подготовилась!

— Да, я знаю... — со значением сказала бабушка, медленно кивнув. — твои отметки говорят за тебя.

Вера, гордая собой, засветилась от счастья. Девушка шла на красный аттестат и порой выполняла даже сверх заданного, чем нередко изумляла учителей.

— А ты, мой свет? — ба выгнула брови, переводя проницательный взгляд на внука и тарабана пальцами по столешнице. — Еще не забыл, как выглядит учебник?

— Ну, ба-а-а... — протянул Антон, откидываясь на спинку стула.

— Что ба-а-а? Ну, что ба-а-а?! — спародировала она его манеру, на что Вера хихикнула. — Вот останешься на второй год, будет тебе ба-а-а! — женщина скорчила рожицу и усмехнулась. — Ну, правда, Антон, окончи ты это заведение ради всего святого! Они уже осточертели мне названивать и приглашать на советы профилактики.

— Ну, прости... — он робко посмотрел на неё щенячьими глазками, идентичными по цвету и форме с её.

— Родной, я понимаю, тебе это не интересно, но это необходимый жизненный этап. Я не требую от тебя медали, но просто... просто не усложняй себе жизнь, хорошо? Тебе еще в институт поступать... — бабушка погладила его по спине, устало улыбувшись.

Антон кивнул, мимолетно коснувшись её руки с тонким золотым браслетом и золотыми кольцами на пальцах. Внимание всех привлёк визг клаксона снаружи. Антон повернул голову и увидел в окне вишневую девятку Ромы.

— Пацаны приехали... — выдохнул Антон, застегивая пуговицы на рубашке.

— Так пусть зайдут! — внук хотел возразить, сославшись на опоздание, но бабушка уже вышла в коридор, открывая дверь. — Рома! Гоша! Идите сюда! — она с улыбкой махала им рукой, зазывая в дом.

Вскоре торопливые шаги друзей наполнили холл. Ромка предстал перед всеми в черных брюках, белой рубашке, с закатанными до локтей рукавами, и с черным галстуком на шее. Поверх этого классического выпада находилась черная олимпийка с тремя полосками. *Ну, естественно!*

Жожик был одет в коричневый джемпер с v-образным вырезом поверх мятного цвета рубашки и темно-синие джинсы. Агата Рольфовна никак не прокомментировала их «видок», изображая, будто всё в полном порядке.

— Здравсьте, тётя Агата... — подал голос Ромка. Язык не поворачивался называть эту женщину бабулей. — у вас так вкусно пахнет.

— Ммм...блины что ли? — облизнулся Жожа, принюхиваясь.

Женщина подняла вверх палец, как бы говоря «минутку», и прошмыгнула на кухню, хватая салфетки и беря в них по панкейку. Она вернулась к ребятам, выставляя перед ними еду.

— Вы не завтракали, берите!

— Ой, тётя Агат, да не надо!

— Да я пошутил, тётя Агат! Не нужно...

Она закатила глаза и ухмыльнулась, засовывая угощение прямо им в рот и прерывая потуги отказаться. Парни проглотили слова, заткнутые панкейками, и переняли их из рук бабушки Антона, держась пальцами под салфетки.

— Всё, едем. — блондин вышел из кухни, заправив рубашку в брюки, и снял с крючка в прихожей кожаную косуху, тут же просовывая руки в рукава. — Спасибо, ба, очень вкусно! — он на бегу чмокнул её в щёку и распахнул дверь. — Вер!

— Да-да! Я сейчас! — Девушка поднялась, расправляя складки на юбке, и уже взяла рюкзак за ляжку, как бабушка встала между ней и парнями.

— Вера, таблетки! — женщина выставила кверху ладонь, поднося ей пару зелено-белых капсул и стакан воды.

Блондинка сгребла их, закидывая в рот, и запила водой, вручая стакан обратно бабушке, а затем так же чмокнула её, торопясь уйти.

— От души, тётя Агат! Ну...то есть спасибо! — Исправил себя Гоша, когда Ромка несильно ударил его локтем в бок.

— Спасибо, Вы как всегда на высоте! — обронил Рома, таща под руку Жожу к выходу.

— Идет тип в шко-о-лу-у! — хихикал Жожа, с плутоватой усмешкой следя за Ромкой, кидающим в него жгучие взгляды. — В г-а-а-лстук! В брю-у-ках! — тянул он нараспев, вытягиваясь и чуть склоняясь, намеренно притесняя друга плечом. — Как на выборы!

— Ебало стяни! — Рома наступил ему на кроссовок, но не сдержал улыбку. — Дебил блять...

— Кхм! — Антон прочистил горло в кулак, привлекая внимание друзей и кивая на Веру, хотя сам едва подавлял смех.

Рома и Жожик, как в судороге оттянули вниз углы рта и выпучили глаза, осекаясь. Они совсем забыли о присутствии девчонки, увлекшись дурачеством. Оба парня отвернулись, закинув друг другу на шеи руки, и прыснули со смеху от странной комичности момента.

Девятка Ромы ждала их на обочине дороги. Прошлепав по вязкой чавкающей земле, смешанной с илом, они поочередно окунули кроссовки в лужу после недавнего дождя.

— МадмАзель! — Жожик выпятил грудь, вставая боком к задней двери с видом швейцара, по меньшей мере, Букингемского дворца, и знаменательно обвёл машину рукой. — В знак

извинения за мат позвольте открыть Вам тарантайку! — он надавил на ручку, та поддалась, щёлкнув, и Жожа потянул дверь машины с тихим скрипом. — Ромыч, надо бы петли смазать...

— Да знаю я, — бросил он, запульнув бычком от сигареты в кусты, и запрыгнул на водительское, включая зажигание. — вечно из башки вылетает.

Вера прошла мимо Гоши и пригнула голову, сядясь назад. Антон поравнялся с ним, докуривая ментоловый Ричмонд так, словно репетировал для конкурса «мистер Элегантность». Коричневая сигарета с золотистым ободком, отделяющим кремовый фильтр от тлеющей части, покоилась среди указательного и среднего пальца. Блондин почти экранно подносил её к губам, совсем нежно, словно целуя губы девушки, приминая кремовую часть и выдыхая клубы дыма через секунду после вдоха. Дым выходил медленно, извиваясь, как языки пламени, прежде чем раствориться.

— Лорд Байрон, ёптить... — покачал головой Жожа, сплюнув горькую слюну после порции Мальборо. — Стартуем, ёпта! — провозгласил он и прыгнул на заднее сиденье рядом с Верой.

Антон сел на пассажирское, заткнув кейс под ноги. Ромка выжал сцепление, а затем отпустил, мягко надавливая на газ, когда девятка покатилась по дороге. Он, не глядя, ткнул пальцем в магнитола, и оттуда зашипело радио.

— *Доброе!.. *ииии*...нашим... *ииииииииии*...погода на сегодня...*

— Вот ё... — Рома оборвал себя на полуслове, когда в зеркале заднего вида мелькнуло хмурое лицо Веры. — штуковина хренова... — пробубнил он, чуть ли не ложась на руль и сводя брови.

— Я поищу, — Антон стал крутить волчок, перелистывая радиоволны, и вскоре зазвучала чистая громкая музыка.

— О-о! Оставь, Тохыч, оставь! — Жожик аж выбросился коброй к плечу блондина, за малым не визжа от восторга. — Это ж «Светочка» Круга! — кореец сиял так, словно артист прямо сейчас даёт концерт индивидуально для него.

К щекам Ромы вдруг прилила кровь, когда певец эффектно выдержал паузу, намекая на совсем другое слово в конце. Он кинул беглый взгляд на зеркало, чтобы отследить реакцию Веры, и явственно ощутил, как пылает лицо, замечая попытку девушки абстрагироваться.

Антон кивал, вторя мелодии, уголок его рта полз вверх, а ладонь отбивала ритм по колену. Ромка и Гоша часто слушали подобное, а потом и Антон пристрастился, но тщательно скрывал свои вкусы от бабушки. Как-то раз она застала его за игрой на гитаре, когда он разучивал аккорды незамысловатой дворовой песенки. После этого весь вечер был посвящен лекции о «правильном» вкусе интеллигентных юношей.

— К одной тебе... — подпевал Антон, отдаваясь моменту.

— Во даёт, ёпта! — Жожа пританцовывал на месте, так наслаждаясь песней, что заражал своим упоением и Вальтера. — Ромыч! — он хлопнул тыльной стороной ладони по лопатке друга, делающего вид, что всецело прикован к дороге. — Ты че не поёшь? Ты ж её наизусть знаешь!

Руки Ромы могли раздавить несчастный руль. Он стиснул его мёртвой хваткой после комментария Жожи до белых разводов и поджал губы, опуская брови ещё ниже.

— Я за рулём, если че! — огрызнулся брюнет, на что Гоша хмыкнул.

— Когда тебе это мешало, ёпта? Ну, ладно, ладно, рули, Шумахер... — корейчик усмехнулся и откинулся на сиденье, подложив руки под голову.

В стенах школы как обычно стоял гул. Потоки учеников перетекали из класса в класс, оглушая пространство трескотней. Вакханалия из разговоров, кашля, гортанных смешков подростков, у которых только начал ломаться голос, била по ушам, выводя из равновесия. Обстановка напоминала рынок в самый разгар дня, за исключением отсутствия прилавков с продав-

цами. Ребята успели как раз вовремя. Мастерство Ромы сделало своё дело, и они уложились в считанные минуты до того, как «Сивка» проковылял в кабинет, шаркая туфлями.

Низкорослый коренастый мужчина семидесяти лет. На нём был серый костюм-двойка, который заметно большемерил, и бледно-желтая рубашка с темно-зеленым галстуком. Среди старшекласников гуляла шутка, что Сиваконь родился в этом костюме, но так и не смог догнать его по размеру. Никто в школе не мог припомнить, чтобы этот учитель хоть когда-нибудь пришел на работу в чем-то другом. Классный руководитель носил густые черные усы, через которые пробивалась седина, волосы на голове у него давно поредели, и блестящая под светом ламп лысина была обрамлена растительностью на висках и затылке. Щёки его обвисли, превратившись в брыли, и скрадывали без того тонкие губы. Из-под заросших седых бровей зыркали злобные «пороссячи» глазки, когда учитель одаривал класс враждебностью, переступая порог.

«Сивка», как звала его троица, особенно задержал взгляд на третьей и четвертой партах второго ряда, и, казалось, даже удивился, что те не пустуют.

— Вот они... поколение памперсов, понимаешь... — прокряхтел учитель, шаркая к столу и кидая классный журнал. — Громов, Лим, Вальтер. Работники ножа и топора. — он продолжал сверлить их исподлобья, а парни считали, сколько раз Сивка причмокнет губами за время разговора. — Возьму вас на олимпиаду по физике. Будете листочки раздавать, понимаешь. — Сивка причмокнул, завершая фразу, и Жожа показал приятелям шесть пальцев, пряча их под партой. — А чего это вы решили нас сегодня уважить своим присутствием? Похолодало на улице, понимаешь? — Сиваконь надел до неприличия огромные очки, через которые его мелкие глазёнки смотрелись мультяшными глазищами на пол-лица.

— Василий Юрьевич, ну, мы же как никак учиться хотим! — Жожа улыбнулся, обводя друзей рукой.

— Учитесь вы только приключения искать на жопу... — проворчал учитель, проходясь ручкой по клеточкам в журнале. — Хотя нет. В этом вы уже мэтры. Так сказать, эталонные шалопаи, понимаешь. Лим, принеси пользу обществу, посчитай отсутствующих. — распорядился мужчина.

— С удовольствием! — Гоша чересчур инициативно склонил голову в благодарном жесте и просканировал класс пытливым прищуром. — Кого нет — поднимите руку!

По рядам тут же прошелестели волны смешков. Ромка и Антон переглянулись, подавляя смех, а Вера ёрзала на стуле с идеальной осанкой, как дотошный журналист готовясь заполнить страницы информацией.

— Мозгов хоть продавай, Лим... — Сивка метнул в него полный презрения взор и влажно кашлянул в кулак. — лучше умственно полноценных попрошу. Староста здесь? — Линзы очков устремились на вторую парту третьего ряда. — Ксения? — одна часть парты пустовала. Сидящий за ней парень вальяжно откинулся на спинку стула, набирая воздух в лёгкие, чтобы ответить.

— Капец ты изменилась, Ксюх... — сострил Антон, глядя на одноклассника, и породил новый шквал смешков.

— Она сказала, что опоздает. — невозмутимо ответил рыжий парнишка, демонстративно игнорируя подкол.

Сиваконь кивнул, намереваясь поставить «н» в строке напротив фамилии Аристовой, но дверь класса распахнулась, впуская вошедшую.

— Извините за опоздание! — Ксения будто на расстоянии услышала, как рука учителя заносится над пустующей клеточкой, и ворвалась в кабинет, принося с собой прохладу улицы. — Я задержалась в приюте для животных! — тараторила она, стягивая с шеи синий шарф и сбрасывая кофейного цвета пальто. — Готовлю новую стенгазету для...

— Ксения, быстрее! — учитель потряс рукой в нервном жесте и карандашом ткнул на пустую часть парты рядом с рыжим парнем.

Аристова кивнула, втянув губы, и украдкой просочилась к своему месту. Она плюхнулась на стул, отбрасывая назад светло-русые выющиеся волосы, и выудила из рюкзака стопку каких-то научных журналов, принявшись с энтузиазмом переписывать из них что-то на бумагу. Сивка уже даже не пытался прерывать её, прекрасно зная, что скорее устанет от неуёмной энергии ученицы, чем убедит прекратить. В старосте было столько запала, что она вполне могла обеспечивать весь посёлок электричеством ближайшие лет сто, если бы вращала колесо наподобие белки. Не существовало школьного мероприятия, которое обошлось бы без участия Ксении. Любая эстафета, соревнования, концерт, классные часы обязательно несли в себе её отпечаток. Интересные статьи в коридорах, плакаты, стенгазета — всё дело рук Аристовой. Она была активисткой и за пределами школы, возглавляя субботники и посещая значные места, где могла бы почерпнуть новую идею для статей. Кроме того девушка увлекалась различной литературой, штудировав книги в школьной библиотеке.

— Альберт, есть замаска? — прошептала девушка под монотонную речь Сивки, излагавшего тему урока.

Рыжий перевёл на неё ленивый взгляд, словно делал одолжение.

— Нет. — бросил он, возвращая внимание учителю.

— Блин! — пискнула Ксюша, закусив губу. Она смотрела на пометку, как на величайшую ошибку в своей жизни, и растерянно моргала, не зная, что предпринять. Вдруг сбоку раздался короткий шипящий звук. Девушка повернула лицо в его направлении и напоролась на ухмылку Жожика.

— Давай сюда свою трагедию, — шептал он, протянув руку, постоянно следя за учителем, который чертил формулу мелом на доске.

Ксения заулыбалась, без задней мысли вручая парню лист бумаги. Жожик положил его перед собой и достал из кармана лезвие. Он наклонил его под определенным углом и принялся аккуратно сдирать слой чернил, сдувая катышки. На всё действие ушло минуты три, после чего корейчик, оценив работу, взял лист и воровато перегнулся вправо, отдавая его хозяйке.

Ксюша засветилась, в голубых «оленьих» глазах блеснула благодарность, сравнимая со спасением утопающего. Она немо проговорила «спасибо» одними губами, склоняясь к парню, чтобы забрать бумагу. Жожа задержал на ней взгляд, когда она уже во всю продолжила выводить буквы на листе, позабыв о нём.

— Блять! — вырвалось у Жожика, когда о затылок стукнулось что-то похожее на камень. Он зажмурился, выравниваясь за партой, и провёл по волосам, обнаруживая, что на тетрадь сыпется пыль от мела.

— Лим! — взревел Сивка, явно раздраженный поведением парня за сегодня. — У меня ещё целая коробка мела! — брыли старика тряслись, пока тот орал, забрызгивая слюной галстук.

— И че Вы хотите? Медаль? — подал голос Ромка, вытягивая ноги под партой и с вызовом глядя на учителя. Одноклассники перестали царапать ручками тетради и приковали внимание к нему. В их числе была и шатенка с первой парты на первом ряду.

Лицо мужчины вытянулось, клочки седых бровей взлетели на лоб, он сорвал очки, с силой швыряя их на стол. Рот Сивки произвольно открывался, пока тот заходил чистым гневом, не веря тому, что щенки смеют дерзить.

— Ты что себе позволяешь, Громов?! — прошипел он, содрогаясь от возмущения.

— А что Гоша такого сделал? — вклинился Антон, подоспев на подмогу. — Он даже слова не сказал, а вы мелом...

Казалось, Юрьевич воспарит к потолку, надувшись от злобы до багрового оттенка. Старой закалки учителя потрясала сама только мысль, что ученики могут перечить.

— Вышли вон. Все трое! — цедил Сивка через зубы, тыча пальцем в двери. Ещё не хватало оправдываться перед сопляками, когда можно попросту закрыть им рот.

Парням не пришлось повторять дважды. Они будто этого и ждали, подрываясь со своих мест вместе с рюкзаками. Вера проводила брата сочувствующим взглядом, на что он лишь подмигнул ей. Когда дверь за ребятами закрылась, Ксюша посмотрела на опустевшую парту Ромы и Жожи. Невнятный укол вины пробежался между рёбер, ведь если бы не она со своей помаркой, то и Лим не попал бы под раздачу. Под носом появился резкий запах корректора, и Ксения повернула голову к Альберту, мазнув волосами по воздуху. Елецкий замазывал кисточкой ошибку в тетради, не обращая внимание на озадаченный взгляд соседки.

Глава 2. Ребята с нашего двора.

Они явно проводили время лучше, чем лохи на уроках. Парни были в этом уверены на все сто процентов. Троица, гордо покинув общество Сивки, заявилась домой к Жожикю, пользуясь тем, что его мать в отъезде. И так неважнецкий настрой обучаться угас невозвратно, поэтому ребята купили по банке пива в местном ларьке и теперь сидели в комнате Гоши, потягивая спиртное и режась в карты.

— Сивка — мудила престарелый... — буркнул Рома, выбирая между вальтом и дамой, чтобы отбить атаку Жожи. — Давай выловим его и сожрать этот мел заставим? — Он в упор посмотрел на друга, сидящего перед ним на полу и скрестившего ноги в позе лотоса.

На лице Антона проскочила косая ухмылка. Он лежал на кровати боком, подпирая себя локтем, и скользил глазами по вееру колоды в руках.

— Та забей, ёпта! — Жожа мотнул головой, как бы отсекая предложение наотрез. — У старого деменция уже просто. — Он кинул пикового короля поверх дамы, подброшенной Антоном.

— Всё равно пусть следит за базаром и делами... — Громов напрягся, опустив брови чуть ли не на ресницы. — Не по понятиям так.

— Та откуда старикану знать об этом? — хмыкнул Антон, переводя двух вальтов на Жожика. — Он же... просто старый сумасброд.

— Пхах! Сумасброд... — прыснул Жожик, смакуя новое слово, и покачал головой. — Маузер, ты как чё скажешь, так потом переводить приходится, ёпта...

— Ну, так он же у нас этот! Интеллиге-е-нт! — протянул Рома, лукаво глядя на блондина, и ухмыльнулся, когда Антон закатил глаза.

— Завалитесь, да? — Вальтер вскинул голову, морщась в раздражении, на что друзья рассмеялись. — Да чё ты? Зато вон сколько телочек...

Договорить Жожа не успел, прерванный пинком Ромки в колено.

— Ай! Да чё я?! — корейчик вспыхнул, разведя руками.

— Девушек, баран! — надавил Громов, прокатывая по зубам букву «р».

— Блять... — Гоша провёл по лицу ладонью. — Хорошо. Зато вон сколько девушек, — он выразительно зыркнул на Рому с долей недовольства. — Липнут к тебе! — Серебряные передние зубы обнажились в лёгкой улыбке, когда он повернул лицо к Антону.

— Хах! Напугал медведя голой жопой! — рассмеялся Рома, облакачиваясь о кровать. — Маузер у нас это, целка-патриотка! — брюнет щёлкнул пальцами, радуясь, что подобрал удачное выражение. — Ждёт одну-единственную... — Громов картинно вздохнул и смахнул воображаемую слезинку, быстро моргая с деланно мечтательным видом.

— Я вам сейчас уже пизды дам! — Антон бросил карты на постель рубашкой вверх и шутливо дёрнулся на парней.

— Ромыч, ты это, аккуратнее, а то он тебя словечками всякими закидает, так и очочуришься! — Гоша смеялся, а Вальтер обхватил его шею, беря в треугольник, и стал несильно придушивать. — Бля, Тохыч! Отлипни, ёпта! — корейчик вцепился в его руку, пытаясь освободиться, но смех лишил хватку силы.

— А реально, Тоха, чё ты стремишься? — Ромка дёрнул подбородком, хмурясь. — Перед тобой Евсеева в прошлом году стелилась, как мартовская кошка, а тебе, как соловью — похую.

Антон вдруг прищурился, отвлекаясь от экзекуции над Жожей, и тот вынырнул из-под его руки, пользуясь моментом.

— Скрипачка, что ли? — кивнул он Роме, припоминая.

— Ну да! — ответил за него Гоша, потирая шею. — Она ещё в началке Ромычу нравилась одно время.

— А... да не знаю, похуй вообще, — блондин пожал плечами, совершенно искренне отображая скуку.

— Ну ты «вельможа»! — корейчик припомнил слово из арсенала Вальтера, вытягивая черты лица, как бы говоря: «зажрался в край». — Хер угодишь.

— Не для неё розочка цвела... — ухмыльнулся Ромка, шаловливо косясь на друзей.

— А может я тогда подкачу?! — у Гоши образовалась гармошка из морщин на лбу, когда он выпучил глаза. — Чё добру пропадать?

— Да там, кого только не было... — с привычной угрожающей ноткой протянул парень.

Антон слушал их разговор, а сам шерстил в веренице воспоминаний, собирая образ Евсевой. Они хоть и учились в одном классе, но Вальтер особо не проникался её личностью, посему она была для него массовой из числа других одноклассниц. В какой-то степени Евсеева напоминала ему тех, с кем он учился в Екатеринбурге. Им довелось пообщаться несколько раз в начальной школе, и этого хватило, чтобы Антон мог составить мнение о девчонке.

Его покорило сразу же, как Юнона заговорила в пренебрежительном ключе о Роме и Жожике. Да, для этого были основания, учитывая репутацию парней, но высокомерие скрипачки оттолкнуло его моментально. К тому же она судила, совершенно не зная людей. Даже с самим Антоном девчонка говорила, как бы снизойдя до «заблудшей души», наставляя на путь истинный, чтобы Вальтер прекратил общение с ребятами.

Разумеется, Евсеева действительно была красива и сейчас находилась в самом расцвете, но для Антона скорее ассоциировалась с образом Цирцеи — коварная, чарующая и опасная. Опасная в первую очередь своими суждениями.

— Ну, а ты чё? Так и будешь слюни пускать на Аристову? — Ромка внезапно сменил вектор на самого Гошу, отчего корейчик заметно потух. Он втянул голову в плечи и на автомате уткнулся в карты, до которых больше никому не было дела. — Да ладно! Мы же с Тохой видим! А Тоха так вообще в четыре глаза. — Рома издал глухое «ух», когда ему в лицо прилетела декоративная подушка, запущенная Вальтером.

— Никто ничё не пускал, ёпта... — пробормотал Гоша, перелистывая колоду, но при этом глядя сквозь карты.

Антон с Громом переглянулись. Молчаливое понимание мелькнуло в глазах обоих. Мать Ксюши была учителем музыки при школе, а отец работал в местном отделении милиции. Навряд ли дядя Витя оценил бы потенциального зятя в лице хулигана Лима, которого периодически катал в уазике после передрыг.

— Жожа, кинь-ка гитару! — слова Вальтера возымели эффект разряда тока, будто перезагрузив настроение в комнате. Парни приободрились, а Гоша, казалось, начисто стёр из памяти предыдущие минуты неприятного разговора. В целом этого Антон и добивался — не дать другу раскиснуть.

— Бля, Тохыч... я прям тащусь, когда ты брынчишь! — кореец подошёл к шкафу и просунул руку между ним и стеной, подхватывая коричневую акустическую гитару. — Лабай! — Он шагнул, сокращая расстояние до кровати, и кинул инструмент в руки Антона, который уже сидел на постели, разминая пальцы.

— Ебашь, маэстро! — Ромка запрыгнул на покрывало рядом с Антоном и боднул его кулаком в плечо.

Вальтер обхватил гриф левой рукой, как бы примеряя, но это скорее по привычке. Он не первый раз играл на Гошиной гитаре. Корпус парень разместил на своём бедре и немного вытянул шею, чтобы лучше видеть струны. Изящные длинные пальцы прошли по металлическим нитям, создавая первый дребезжащий звук.

Антон образовал кольцо из большого и указательного пальцев и отбил ногтем по верхней басовой струне, тут же следом цепляя другие и хлопая по ним ладонью, чтобы приглушить. Заученным манёвром он ускорился, разнося по комнате ритмичный звон боя.

Затем блондин сменил тактику, тревожа басовую струну подушечкой большого пальца, а три нижние поддевал ногтями трёх других фаланг сверху вниз, а потом снизу вверх. Мелодичный перебор навевал какие-то лирические размышления, судя по лицам друзей, ушедших глубоко в себя. Он наигрывал несложные аккорды, переставляя пальцы на грифе, разогревая немногочисленную публику перед началом песни.

Подвижный гибкий тенор Антона лёг поверх мелодии гитары. Песня была о парне, который обещает подарить любимой «Мерседес», если та его дожждётся. Он сделал паузу, отыгрывая. Гоша и Рома качались в такт музыке, как змеи под чарами заклинателя с флейтой. Антон подбросил голос к верхней ноте, растягивая слово и создавая вибрато. Блондин ударил по струнам сверху вниз, как бы ставя точку, и обвёл улыбчивым взглядом друзей.

— Ема... Тоха, ты где такое взял? — Ромка перенял гитару из его рук, опираясь локтями о корпус.

— Да из фильма какого-то услышал. Понравилась, — Вальтер почесал затылок и развернулся к Роме в ожидании.

— Внатуре прикольно... — подытожил Жожик, со значением выгнув углы рта вниз.

Ромка дёргал струны, играя перебором, и его голос был полон безмятежности, звуча не то вкрадчиво, не то размеренно. Песня группы «Любэ» «Позови меня» погружала всех в комнату в щемящую ностальгию.

Антон слушал его, утопая в своём. Сердце приятно щемило от мотива, от текста, от манеры Ромки проникаться песней так, что и сам готов подпевать на фоне. Вальтер вторил ему, примешивая свой тенор к высокому баритону Громова. Жожа просто наслаждался их дуэтом, прикрыв глаза и мыча мимо нот. Музыка всегда заглушала дурные мысли.

Звонок закончил свою гремющую трель, известив об окончании уроков. Вера вышла из класса, неся рюкзак на одном плече. Она окинула коридор взглядом, рассчитывая зацепиться за белые волосы брата, но быстро поняла, что это бесполезно. Наверняка он давно сидит у кого-то из друзей. Это означало, что Антон снова придёт домой поздно и, скорее всего, нетрезвым.

Вера помнила, как однажды ночью бабушка, впопыхах накинув чёрное кашемировое пальто, бросилась в участок после телефонного звонка. Девушка не спала, вместе с ней оживая, когда брат вернётся домой. Вера хотела было пойти с бабушкой, но та приказала ей остаться и исчезла в промозглой ночи. Их дом находился на окраине посёлка, подпираемый густым лесом, отчего блондинке стало ещё более жутко. Она боялась за бабушку, рисуя в голове самые кошмарные сценарии за те два часа, что её не было. Когда дверь хлопнула и с улицы потянулся морозец вперемежку с духами ба, Вера выскочила в коридор, обнаруживая там и Агату, и Антона, которого женищина держала под руку с нечитаемым выражением лица.

Ба скинула пальто, усадив Антона на пуфик в прихожей, и взбежала вверх по ступеням на второй этаж. Вера подошла к брату, развалившемуся на несчастном пуфике, как неисправная марионетка, и присела на корточки, осторожно приподнимая подбородок парня пальцами. Девушка невольно ахнула, замечая россыпь синяков и кровоподтёков на красивом лице брата. Губа его была разбита, под глазом синело пятно с неровными краями, а на щеках и скулах была грязная мазня из дорожной пыли и следов ударов. От него разило выпивкой, да и сам он выглядел так, словно отключится с минуты на минуту.

— Вера, давай, помоги мне его отвести, — бабушка вышла из-за спины, тряся мокрыми руками, чтобы сбросить лишнюю воду. Рукава её кофты были закатаны до локтя, а со второго этажа Вера расслышала звук наполняющейся ванны. Вдвоём они подняли брата и зашагали по ступеням вверх.

Антон едва шёл, постоянно заваливаясь в стороны, и тяжело дышал, мыча что-то под нос. Бабушка одарила его тревожным взглядом, будто предчувствуя некую неприятность.

— Ой, нет-нет, Антон, только не сейчас! Дотерпи до ванны! — воскликнула она, словно выносила раненого солдата с поля боя. Едва все трое оказались в ванной, Агата рывком подкинула крышку унитаза вверх, а парень согнулся пополам, падая на колени перед ним с булькающим утробным рыком.

— Господи... Тоша... — Вера прикрыла губы ребром пальца, в ужасе глядя на брата.

Бабушка прошла мимо неё, подставляя ладонь под струю воды. Несколько брызг попали Вере на лицо, когда капли разлетелись в стороны, отскакивая от руки бабушки, и девушка вздрогнула, понимая, насколько холодной была влага. Антон ловил вдохи ртом, склоняясь над унитазом и сдавливая бачок так, будто от этого зависела его жизнь. Тонкая прозрачная паутинка слюны тянулась с нижней губы, обрываясь в конце. Он прогнулся в спазме, как кот, отрыгивающий комок шерсти, и вырвал желчью.

— Иди сюда! — скомандовала женищина и дёрнула внука на себя за ворот олимпийки. Ладони его шлёпнули о плитку, когда он приземлился на четвереньки, не удержав равновесие, но ба была настроена решительно. Собрав всю силу, она дотащила его до бортика ванны и направила кран ему на голову.

— А-а-а! — Антон задёргался и закрутил головой. Морозная вода обожгла кожу, сосуды резко сузились, принося чувство онемения, он стал бледнее прежнего за эти пару минут. Но вместе с тем приходило отрезвление, встряхивая организм выбросом адреналина.

— Ба! Остановись! — взмолилась Вера, хныча сквозь шум воды, но сосредоточенное лицо Агаты не дрогнуло, выражая полную уверенность в своих действиях, словно за работой находился опытный профи.

«Сеанс» длился примерно минут пять, пока бабушка, наконец, не отпустила шею внука, позволив тому уйти от потока воды. Она выключила кран, слыша, как прерывисто дышит Антон. Щёки его покраснелись, волосы напрочь вымокли, сам он заходил в судорогах от холода, но выглядел намного трезвее. Блондин сидел на кафеле, вжимаясь дрожащей спиной в ванну. Агата растянула его олимпийку и сняла вместе с окровавленной футболкой, набрасывая на плечи полотенце.

— Иди к себе, оботрись, ложись, укутайся в одеяло. Я позже приду, — с расстановкой говорила она, словно донося информацию ребёнку. Бабушка не кричала, даже не излучала раздражения, она скорее походила на инструктора со знанием дела.

Антон закивал, то ли от озноба, то ли соглашаясь, и кое-как поднялся на ноги, держась за раковину. На негнущихся ногах парень поплёлся к себе. Вера погладила его предплечье, когда он поравнялся с ней, и проводила полным тревоги взглядом.

Блондинка сморгнула слёзы, растворяя чёрную тушь, которую всегда щедро намазывала на ресницы, и посмотрела на бабушку, скрестившую руки так, словно замёрзла.

— Ба... я не узнаю его...

— Идём на кухню, я поставлю чайник, — Агата обняла её за плечо и повела на первый этаж, оставляя позади ванную с витающей в воздухе прохладой.

По пути бабушка зашла в спальню Антона и положила на тумбочку его очки. Парень уже спал, завернувшись в одеяло, как сосиска в тесто. Агата усмехнулась и провела пальцами по белым волосам внука, что сейчас напоминал того робкого мальчишку из далёкого детства. Во сне он был так уязвим. Веки подрагивали, брови то сводились, то разглаживались. Он

всё так же забавно сопел, будто и не выросал вовсе. Женищина подоткнула одеяло и легко коснулась губами виска, прежде чем развернуться и уйти, прикрыв дверь.

На просторной кухне в пастельно-розовых тонах повизгивал чайник, выпуская столб пара, как мчащийся на всех парах поезд. Агата накинула полотенце на его ручку и подняла чайник с плиты, разливая кипяток по кружкам. Вера смотрела перед собой, сидя полубоком к столу. Ей не верилось, что её милый брат в свои шестнадцать может опуститься до такого.

— Почему ты ничего ему не сказала? — вдруг произнесла девушка, и Агата замерла на полпути к плите, различая укор в словах Веры.

— Что я должна была сказать?

— Да как минимум отчитать, ба! — Вера хлопнула ладонью по столу. — Ты же видела, в каком виде он вернулся! Тем более из милиции...

Агата молчала, внимательно глядя на внучку. Она вернула чайник на плиту и медленно прошагала за стол, не сводя с неё глаз.

— Как это поможет мне сохранить с ним связь? — женищина всё так же смотрела, но теперь в кварцевых радужках мелькнуло нечто, спрятанное между строк. — Верочка, пойми одно: я очень вас люблю и хочу защитить. Но у меня не получится, если вы не будете мне доверять. Если я начну упрекать его, он сразу же закроется. И вот тогда... будет намного труднее.

— Он куда скорее скатится на дно вместе со своими друзьями... — пробормотала Вера, отведя взгляд.

— Не надо так о них. Рома и Гоша... хорошие ребята на самом деле, им просто не повезло... — Агата невесело улыбнулась, припоминая два неблагоприятных семейства.

— Ага. Громов особенно! — фыркнула девушка, закатив глаза. — Не понимаю этих восторгов со стороны девочек в школе!

— Ну, он решительный, brutальный, хорош собой... — с хитринкой протянула ба, отслеживая реакцию внучки. — Вполне можно их понять.

— Этого мало! — Вера отмахнулась, скреживая руки на груди. — Надо ещё человеком быть нормальным.

Агата больше ничего не сказала, только покачав головой с той же хитрой умудрённостью.

С того разговора на кухне прошло два года. Они не возвращались к этой теме, бабушка продолжала действовать по своему плану, предпочитая кнуту пряник, и, как ни странно, это сработало. По крайней мере, Антон не появлялся дома на бровях и старался избегать участка. Его дружба с хулиганами была нерушима, и Вера приняла решение держать нейтралитет, отчасти вдохновлённая поведением бабушки. Идти в наступление означало утрату связи.

На выходе из школьного двора Вера заметила Ксюшу, активно продвигающую одноклассникам идею субботника в эти выходные. У них просто не было возможности отказаться, потому что напиральная кучка активистов во главе с Аристовой уже объявила завучу о том, что все согласны. К тому же инициативу поддержал Сиваконь, одобрив идею заранее, едва увидев Аристову на пути к нему. Он вполне мог согласиться хоть на полёт в космос, лишь бы не выслушивать щебетание Ксении. Вера поправила ворот куртки и уже вышла за ворота, как услышала каркающий хриплый смешок.

— А пососать не завернуть, Аристова? — Стоявшие позади два долговязых парня тупо заржали, оценивая фразу Костика. — Делать мне нехуй веником елозить... — Он осклабился, кидая взгляды за спину, чтобы убедиться, что приятели дают реакцию.

Вера скривила нос. Зубров взял моду косить под гангстера, одеваясь и ведя себя так, будто был дублёром в «Славных парнях» или «Крёстном отце». Весьма бюджетным дублёром. С возрастом он немного скинул вес, но оставался расплывчатым, как тесто, которое стремится покинуть чугунок. Струпья исчезли, на их местах бугрели розоватые пятна, словно незажив-

шие шрамы. Он стал зализывать волосы невероятным количеством геля, отчего те постоянно казались грязными.

Носил Зубров преимущественно брюки и разновидность пёстрых рубашек, украшая вычурный образ золотой цепочкой толщиной с его мясистый палец. Вскоре все заметили золотую печатку с чёрным агатом, что всем видом просто вопила о запредельной стоимости. Естественно, его показное щегольство вызвало массу сплетен по школе. Кто-то из ребят сказал, что видел Зуброва в обществе парней из Новокнязево — соседнего посёлка. Те ребята имели дурную славу «вышибал», трясая деньги с должников и запугивая их. Над ними стоял некий авторитет по прозвищу Джон, который курировал деятельность своих подчинённых. По слухам, к нему обращались, чтобы сделать грязную работёнку чужими руками, щедро оплачивая «труды».

— Зубров, ты мог просто уйти без лишних комментариев! — вспыхнула Ксюша, щёки её взялись румянцем. — Если не хочешь проблем...

— Я твоего папашу-мусора не боюсь! — фыркнул он, нагло растягивая слова. — У меня крыша такая, что ментяра до неё не допрыгнет! — Приятели за спиной загоготали, как гиены.

Аристова, судя по всему, решила игнорировать толстяка, продолжив доносить что-то ребятам. Вера, подтянув лямку рюкзака, двинулась по просёлочной дороге, минуя школу.

Дома она принялась рисовать. Острый кончик карандаша выводил линии на бумаге, пока девушка сидела на полу, подложив под бумагу журнал для удобства. Солнце уже заходило за горизонт, рассеивая по комнате золотисто-розовые лучи, и Вера подняла голову, подставляя лицо под свет из окна.

Она вздохнула и прикрыла глаза, вспоминая, что ей снилось на этот раз. Прошлой ночью она чётко запомнила образ маленькой собачки, что ластилась к её ногам. Во сне Вера гналась за ней, будто играя в догонялки, и сон оборвался на том, что дворняжка принесла в зубах какой-то странный овальный предмет. Из всего, что приходило в голову, штуковина больше напоминала продолговатый камень. Вера хмыкнула, размышляя о нелепости этого сновидения, и перенесла на бумагу очертания собачонки, повязав ей на шею милый розовый бант.

Внезапно бант окрасился в красный. Багровая капля с тихим стуком упала на рисунок, за ней вторая, третья. Блондинка нахмурилась и приоткрыла губы, открывая доступ красному ручейку. Солёный привкус металла заплескал на языке. Девушка бросила набросок и затопала в ванную, зажимая кровавый поток между ноздрями и губой.

Нет, нет, нет! Только не опять!

Вода зажурчала в раковине, когда блондинка склонилась над ней, смывая кровь. Тело зашлось в судорожных сокращениях от жуткого осознания. Это происходит снова. Пальцы до зелёных разводов сдавили фаянс. Вода расшибалась о него мощной струёй, вторя взрыву где-то внутри Веры. Так было перед отъездом родителей, перед той ночью, когда Антон пришёл вусмерть пьяный, перед тем, как взорвалась хлебопечка бабушки. И это малое, что смогла припомнить Вера.

Только вот раньше это сопровождалось ещё и кошмарами, от которых девушка долго приходила в себя и вздрагивала от собственной тени. Её участь облегчали таблетки, выписанные психиатром ещё в тринадцать лет. Картинки были такими ужасающими, будто возникшими из самых отвратительных и гнусных фантазий сумасшедшего, что Вера впадала в истерику после пробуждения. Тогда Агата решила действовать. Это она отвезла внучку к хорошо знакомому психиатру, за что девушка по сей день безмерно благодарна ей.

Однако разница состояла в том, что кошмары выворачивали перед ней всю подноготную, в то время как обычные сны давали лишь отдалённый намёк на грядущее событие, и девушке приходилось тревожно гадать, что несла в себе та или иная деталь...

Брюнет оттянул каштановые волосы девушки, вонзаясь карими радужками в подёрнутую похотью синеву. Юнона рвано дышала, грудь её вздымалась, как после интенсивного бега, рот был раскрыт в призыве, почти мольбе. Рома впился зубами в нежную кожу на шее и втянул её, слыша сдавленный писк. Рука в шрамах властно обхватывала тонкую шею с другой стороны, поглаживая большим пальцем сверху вниз. Второй рукой парень сминал короткую юбку девушки на ягодице, задирая ту на пояс.

В машине было душно от жара их распалённых тел, окна «девятки» запотели. Запах дешёвой водки и приторно-сладких духов смешался, выдавая нечто прогоркло-удушливое, как растаявшая на солнце сахарная вата в спиртовом растворе.

Из магнитолы приглушённо играл хит Евгения Белоусова «Девочка моя синеглазая». Ромка не был его фанатом, но берёт кассету с песнями, купленную у какого-то менялы на рынке, для таких романтических моментов. Заднее сиденье «девятки» помнило не одну подружку Ромы. Вмятины в чёрной материи красноречивее всего говорили о том, что происходило в этой машине. Рука парня тут же проникла под край юбки, и Евсеева выгнулась, раскрываясь для него.

Она закусила губу, полностью сосредоточившись на круговых движениях внизу. Пальцы брюнета работали слаженно и точно, как отлаженный механизм. Он высвободил из лифчика две небольшие груди и прикусил сосок, отчего девушка издала сладкий стон.

— Р-Рома!.. — в сладостной истоме Юна забыла об осторожности. Она схватила его за плечо и тут же ощутила, как парень отпрянул, лишая её прекрасных махинаций внизу.

Он буквально вжался в дверь машины изнутри, дыша ртом и буравя подругу таким взглядом, словно та внезапно превратилась в гигантского слизня. Морок наслаждения постепенно рассеивался, и Евсеева моргнула, виновато пряча глаза.

— П-прости, я... я увлеклась и... — Она запрятала локон за ухо, не зная, куда деть руки.

— Не трогай меня, — дробя слова, прошипел он, напоминая ошетилившегося волка. — Я вроде говорил. Никогда меня не касайся, блять! — Рома повысил голос, ударив кулаком по спинке сиденья. Девушка вздрогнула и отползла к противоположной двери.

— Я же сказала, прости! — воскликнула Юна, выставляя ладонь, как бы тормозя его. — Давай просто... давай продолжим и тогда...

— Я уже не хочу, — дверь машины скрипнула, открывая вид на ночной посёлок. Прохлада ночи ворвалась в салон, резонируя с духотой, и заставила Евсееву поёжиться от нахлынувших мурашек. Рома на ходу прикурил сигарету и вылез наружу, кивая девушке, чтобы та выходила.

На улице гремела совсем иная музыка, выкрученная на полную в здании местного клуба. «Девятка» стояла всего в пяти метрах от всеобщего сборища молодёжи. В окнах клуба мелькали силуэты танцующих, свет переливался то синим, то малиновым, то жёлтым или зелёным, подстраиваясь под ритмы песен. У клуба припарковались другие машины, хозяева которых курили на порожках либо сбивались в кучки и пили спиртное, соорудив из багажника своеобразный стол.

Раскатистый смех, трель разговоров просачивались через музыку, оттеняя её. Пробежавшись взглядом по лицам в полутьме, Ромка нашёл Антона и Гошу, говоривших с кем-то из ребят.

Жожа кивал в такт словам из песни «'Cause You Are Young», ритмично двигаясь и потягивая коньяк из пластикового стаканчика. Увидев Рому, он приветственно раскинул руки, пьяно улыбаясь.

— Ромыч, чё-то ты быстро, ёпта... — кореец проследил за Евсеевой, забежавшей в клуб так шустро, что шпильки туфель едва не треснули. — Ясно, фокус не удался... — Он пожал

плечами, вставляя сигарету в зубы. — Тохыч, подкури по-братски, — Гоша подался вперёд, поднося мешку к зажигалке.

Антон изучил проницательными радужками нервное лицо друга и молча сделал вывод, что развлечение явно не задалось. Он чиркнул зажигалкой, создавая оранжевый огонёк, и Лим утопил в нём край сигареты.

— Да пошла она, — отмахнулся Рома, выдыхая дым. — Всё настроение сбила.

— Она чё, тебя чужим именем назвала? — усмехнулся Вальтер, пряча зажигалку в карман спортивок.

На всех троих были надеты разноцветные олимпийки с воротником-стойкой и спортивные штаны с резинками на щиколотках. На костюмах выделялись отдельно вшитые три полосы на штанах и рукавах. Такая модель совсем недавно обрела популярность, и все в посёлке ласково звали её «балалайка».

— Да не похуй ли, чё она сделала? — Гром поморщился так, будто ему в лицо ярко светило солнце. — А чё, пацаны, тут вообще наливают что-нибудь? — Он приподнял подбородок, обращаясь к ребятам у белых «жигулей».

Те что-то ответили ему и плеснули в стаканчик коричневую жидкость.

— От души, — выдохнул Рома, перенимая в пальцы кочующий из рук в руки стакан.

Троица переместилась плотнее к белым «жигулям», болтая со знакомыми парнями. Вскоре стали подтягиваться другие, решившие подъехать на дискотеку позже. Все они здоровались за руку с Громовым, а уже потом с Вальтером и Лимом. Ромка слыл авторитетом среди местных благодаря репутации своего отца. Василий Громов был не последним человеком в криминальной среде и славился жёсткостью, граничащей с жестокостью. Сын хоть и близко не стоял с ним по суровости, но в полной мере ощутил тяготы отцовского характера на себе.

Певица на заднем плане надрывалась, услаждая слух всех собравшихся. Ребята обсуждали планы на завтра, собираясь в очередной раз уйти с уроков, когда на территорию клуба въехала незнакомая бежевая «семёрка». Жожа заметил её первым, ткнув Рому в плечо и указывая подбородком в ответ на вопросительный взгляд Грома.

— Это чё ещё за шныри? — фыркнул Рома, выстреливая бычком в кусты.

— Хер знает. Точно не наши... — прошептал Гоша, шурясь, когда из машины высыпали четверо.

— Ещё едут, — добавил Антон, замечая три возникшие из темноты пары фар.

— Это Джон, — шепнул кто-то из парней на ухо Вальтеру.

— Что за Джон?

— Новокнязевские. Джон у них автор, — уточнили голоса за спиной Антона.

— Бля, в натуре Джон? Чё новокнязевским у нас надо, ёпта? — Жожик свёл брови, сжимая кулаки в карманах спортивок.

Ромка молчал, пристально следя за тем, как худощавый парень с папахой из коричневых кудрей вальяжно облакачивается о крышу «семёрки», с хозяйским видом обводя всех взглядом. На нём была серая косуха, чёрная футболка с принтом «Король и Шут», чёрные джинсы и высокие белые кроссовки. Черты лица парня заострились, создавая впечатление постоянного подозрения, а над верхней губой чернела крупная родинка.

— Ебать! Зубров! — шикнул Жожа, на эмоциях ударив ладонью сзади стоящего парня в живот.

Костик обогнул «семёрку» и встал подле Джона рядом с другими подчинёнными, хохлясь так, будто он по меньшей мере капореджиме итальянской мафии. Антон мельком посмотрел на блеснувший в свете клуба перстень Зуброва и почувствовал невнятный укол где-то внутри. Такая цацка больше подошла бы ему, нежели этому жирдяю.

— Пацаны, обозначу сразу, — Джон поднял раскрытую ладонь, показывая, что безоружен. — Мы не беспределить приехали. Мы пообщаться. Недели две назад какой-то белобры-

сый моему братишке руку сломал. Нехорошо как-то получается, надо бы разобраться. Что думаешь, Гром? — Он вскинул подбородок, ожидая ответа.

— А братишка не в курсе, что по чужим территориям шляться нельзя? — Ромка шагнул вперёд, повторяя позу Джона.

— А ваш засанный ДК где-то подписан? Или ты его лично приватизировал? — Кудрявый говорил размеренно, однако тон его выдавал угрозу.

— Вот именно, что это наш ДК, и нехуй соваться без приглашения.

— Да мне поебать, чей этот притон, я за брата общаться приехал, — он оттолкнулся от машины и сделал несколько шагов навстречу. Подчинённые двинулись за ним, соблюдая дистанцию.

— Так пусть сам и приедет! — крикнул Ромка, распаляясь. — Ты-то чё доебался до меня, не пойму?

— Ты мне нахер не упёрся, мне нужен белобрысый.

— Нахуй пошёл, шапку нашёл! — Громов шагнул к нему вплотную. Алкоголь в крови, несостоявшийся секс и злость от касания Евсеевой образовали взрывоопасную смесь, и Роме было необходимо выпустить пар. — От хуя ушки тебе, а не белобрысый!

— Ты так кучеряво базаришь, потому что батя автор, я понимаю. Но базар тоже надо фильтровать, Гром... — Джон зыркнул на него, не озвучивая угрозу, но явно намекая, что не спустит с рук такую дерзость.

— Слышишь... — Ромка уже было рванул на него, но на плечо лёг вес другой руки.

— Ром, не кипятись, — Антон встал рядом с другом. — Это я был. Брат твой со мной тогда дрался, — Вальтер выступил вперёд, слегка прикрывая плечом разъярённого Громова.

Гоша сжал челюсти, придавливая к ладони кастет, что держал в кармане. Он был готов броситься в атаку в любой момент. Остальные парни подловили его настрой, кучкуясь позади Ромы. Заводная музыка контрастировала с обстановкой на улице, придавая потенциальным разборкам эффект какого-нибудь кино о плохих парнях.

Джон внимательно оглядел парня, словно оценивая, а потом довольно усмехнулся.

— Ну, ты же понимаешь, что это значит? — Кудрявый шагнул к нему, щурясь. — За братишку придётся передо мной отвечать. Он до сих пор вычухаться не может, валяется в больничке. Нет, если бы за дело, я бы тогда вообще без претензий, — Джон провёл рукой по воздуху, вскидывая брови, — но ты пацана по беспределу в нокаут отправил, так что... Братишка у меня не лучший боец, зато другие... — он махнул в сторону Зуброва и стоящих рядом, — могут потягаться. Давай-ка, чтоб всё честно было, выходи с Костей раз на раз.

Стальные радужки безразлично скользнули на знакомую фигуру толстяка. Зубров смотрел в ответ свысока, будто не сомневался в исходе схватки. Между этими двумя проскочило что-то личное, давно забытое на школьном дворе.

Антон припомнил это чувство потери равновесия, когда жирдяй толкнул его, и в груди забурился азарт. Вальтер в двенадцать лет и Вальтер в восемнадцать — два совершенно разных Вальтера. Однако Зубров, похоже, считал иначе. Антон не относился к тем, кто трубит о своих победах во всеуслышание, в драках он работал методично и чётко, но никогда не чванился подробностями перед ребятами, как, например, Жожик. Возможно, виной тому была въевшаяся в характер черта джентльмена, и всё же ему не особо хотелось огласки.

Народ в клубе активно подпевал, когда заиграла «Музыка нас связала» группы «Мираж», перекрывая нестройными голосами вокал певицы. Возле правой ноги Антон почувствовал движение. Опустив глаза, он заметил дворняжку, доверчиво виляющую хвостом.

— Чё, Фриц, группа поддержки подросла? — каркнул Костя, обнажая жёлтые зубы. Что-то в этом мире действительно вечно.

Где-то сбоку появился Рома, он грозно топнул ногой, крикнув что-то неразборчивое, и собачонка отбежала, зажав между лапами хвост.

— Шухлядку вальни, — произнёс брюнет излюбленным хамоватым тоном.

— Да не вопрос, я готов, — Антон легко пожал плечами.

— Отлично, — Джон кивнул, отходя к машине. — Костя! — окликнул он, и толстяк вразвалку прошагал в центр. С одной стороны кучковались люди Джона, а с другой толпились ребята Громова, образуя некую арену. Зубров скинул коричневое пальто, которое подхватили двое парней в кожанках, и зачем-то пригладил рукой гелевый панцирь из волос на макушке.

— Выёбывается, ёпта... — фыркнул Жожа Роме в ухо, подойдя со спины, и зыркнул кошачьим разрезом глаз на Костика.

— Слышь, — гаркнул Рома, привлекая внимание, и все снова посмотрели на него. — Махаться без шпор! Жожик проверит! — Это прозвучало и требованием, и приказом одновременно. Тон и взгляд Громова сквозили неотвратимостью — он пользовался властью на своей территории, открыто демонстрируя, что не потерпит возражений.

Джон лишь ухмыльнулся, как бы потешаясь над недоверием парня, но пререкаться не стал. Кореец вышел в центр круга и принялся ощупывать карманы брюк Зуброва, хлопать ладонями по поясу, проверяя, не припрятано ли чего за ремнём, и провёл по спине. Ничего не обнаружив, Гоша одарил одноклассника предостережением в глазах и отступил, сверля того чёрными зрачками.

Антон держался спокойно и отчасти даже скучающе, словно бы не замечая тревожного взгляда Ромки, то и дело зыркающего на друга. Он закатал рукава олимпийки, вскидывая руки для блока, и полностью сосредоточил внимание на грузном парне перед собой. Зубров просто пошёл на него, прикрывая широкое лицо выставленными кулаками. Тем временем музыка сменилась на «Седую ночь» «Ласкового мая», стуча знакомым мотивом.

Антон встал прямо, распределяя вес поровну на обе ноги и согнув их в коленях. Правую ногу он держал на носке, голову немного опустил вниз, глядя на Зуброва исподлобья, дабы уберечь подбородок от возможного летящего кулака соперника. Он бегло подумал об уязвимых местах и прижал правый локоть к корпусу, прикрывая печень. Кулаком правой руки он закрывал челюсть и часть носа, а левую вывел полусогнутой перед собой.

Зубров нанёс первый удар, потянувшись головой за выброшенным кулаком. Антон блокировал его руку, отведя ту в сторону, и воспользовался заминкой противника, зарядив коленом в открывшуюся область носа, резко выдыхая. Его колено подпрыгнуло расслабленно на первый взгляд, но у самой переносицы оно резко напряглось, делая удар мощным и болезненным. Едва Костик выгнулся, зажимая нос руками, Антон вернулся в стойку, прикрывая лицо.

— Тоха, въеби! — крикнул Жожа, сложив ладони у рта, как рупор.

— Гаси его, Маузер! — подначивали другие голоса из толпы.

Люди Джона молча наблюдали с видом третейских судей, как и сам Джон. Не было подбадривающих возгласов, лишь неотрывное слежение за процессом, будто Цезарь со свитой присутствуют на поединке гладиаторов.

Зубров прошипел сквозь зубы, стискивая пальцами нос. Он тряхнул головой, сбрасывая влагу с нижних век и рассеивая болевые импульсы, и весь покрылся краской, свирепея, как бык на корриде. Вальтер же сохранял поистине железное самообладание. Его не трогали выкрики поддержки, он не отвлекался, чтобы пересечься взглядами с друзьями, парень был всецело поглощён схваткой, сканируя противника, как расчётливый хладнокровный воин. Стальные радужки отмечали малейшую судорогу на багровой роже Зуброва, любую смену позы, даже направление, в котором он сплёвывал.

Теперь уже Антон подобрался к нему, так же прикрывая лицо одной рукой, а второй сделал резкое короткое движение без замаха прямо здоровяку в незащищённую печень. Зубров сдавленно ухнул, но выстоял, хотя и кренился в сторону удара, явно чувствуя его долгое послевкусие. Костя, делая упор на свои габариты и мощь в кулаках, махнул наотмашь, тут же

добавляя второй удар. От первого Антон увернулся, а второй настиг его неожиданно, однако спасла рука, прикрывающая челюсть.

Песня звучала на фоне, привнося некий кураж. Антон почувствовал задор и улыбнулся уголком рта, неотрывно контролируя соперника. Вальтер выдохнул, оттолкнулся ногой от земли, выводя плечо бьющей руки вперёд. Она полетела в цель расслабленной, но перед самым столкновением спина, плечо и вся рука напряглись, пробиваясь через блок Зуброва. На кожу попала зловонная слюна здоровяка, когда его челюсть повело, и он изрыгнул жидкость наружу. Костя стал шагать назад, делая при этом махи то правой, то левой, отбиваясь от серии джебов Вальтера. Он толкнулся правой ногой, шагнул влево, перенося вес на левую ногу, и выбросил кулак в район уха Антона.

Ромка дёрнулся на месте, когда друг пошатнулся, но продолжил прикрывать лицо и уязвимые места. Удар Кости пришёлся чуть выше ушной раковины, здорово сотрясая пространство. Антон встрепенулся, увеличивая расстояние между собой и Зубровым. В голове звенело, силуэт здоровяка троился, но парень сощурился через очки, напрягая зрение.

Вальтер оценил ситуацию. Толстяк заметно оживился после небольшого триумфа. На его роже заиграла нахальная гримаса, будто он уже праздновал победу, а поза и кулаки выглядели так лениво, как если бы Костя перестал чувствовать угрозу и просто забавлялся. Локоть ушёл от бока, открывая печень, а правая рука едва доставала до подбородка. Лишь одно колено было согнуто, второе же находилось в странном напряжении.

Вернув себе полноценную боевую стойку, закрыв всё необходимое, Антон приставным шагом направился к Зуброву. Не давая возможности опомниться, он толкнулся правой ногой, подавая корпус вперёд, левой ногой шагнул с носка на полную стопу и засыпал противника короткими хлёсткими ударами.

Они жалили Костика, как рой пчёл, летя в печень, в солнечное сплетение, в нос, под глаз, в челюсть. Он уже не разбирал, где вспыхивает новый очаг боли, потому что она стала пульсировать абсолютно везде. В какой-то момент здоровяк по-детски выбросил перед собой руки, пытаясь оттолкнуть противника, и Антон нырнул ему под локоть, делая подсечку.

Туша Зуброва повалилась на землю с глухим стуком падающего тела. Блондин встал над ним, обрушивая сверху вниз тяжёлый, как молот кулак. Он работал быстро, выдыхая при каждом ударе, локоть не разгибался полностью, чтобы набрать скорость и нанести новый тычок. Лёгкий в полёте, кулак наливался свинцом при соприкосновении с телом каждый раз. Со стороны это выглядело, будто Вальтер вгоняет жало во все чувствительные точки. Методичным отточенным движением он сыпал затрещину за затрещиной.

Ребята Ромы ликовали, бросая победные выкрики и одобрительно свистя. Джон теперь же наблюдал за дракой с каким-то новым, живым интересом, следя за техникой Вальтера, как антрополог, нашедший для себя уникальный объект изучения.

Зубров крутанулся, опрокидываясь на бок, и всем весом надавил Антону на ногу, таща парня за собой на землю. Блондин удержал равновесие, но резко завалился влево, отчего очки съехали с лица и отлетели в сторону. Вальтер инстинктивно попятился, выставя блок, и сощурился настолько, насколько это вообще было возможно, чтобы видеть Зуброва. Сцена из детства вернулась, только декорации поменялись на здание клуба.

Костя зацепился радужками за оправу, поднявшись на ноги, но ему в ответ прилетел яростный взгляд Ромы, присевшего на корточки и подхватившего очки. Как в старые добрые.

— Тоха! — Гром подкинул предмет, и тот приземлился в руку Вальтеру.

Усадив очки на место, Антон приготовился отражать новую атаку. Зубров махнул кулаком, посылая за ним очередь ударов. Он напирал, заставляя Антона отступать и ходить по кругу приставным шагом. Толстяк плохо видел заплывшим глазом, губы его были разбиты, рожа расплылась под обилием синяков. Он приоткрывал рот, словно ему было болезненно смыкать челюсть, но здоровяк держался. Выносливость была его козырем вкупе с массой.

Немчик успешно блокировал его тычки, либо уворачиваясь, либо отводя руку по касательной. Он не атаковал, позволяя Зуброву выкладываться на полную. Джон усмехнулся, подмечая этот нюанс, и послал впечатлённый взгляд Роме. Громов поджал губы, зыряка исподлобья. Жожа рядом закурил, выдыхая дым сквозь улыбку.

— Ща он его измотает, а потом нахлобучит, ёпта! — хохотнул он, забавляясь, когда здоровяк в очередной раз промахнулся.

Костя делал махи всё медленнее, он будто устал от тяжести собственных рук, хрипя и опаяя линзы очков одышкой. Антон недобро растянул губы в ухмылке, но лишь на короткую секунду. После они сразу же стянулись в полоску. Хищный прищур отслеживал перемены в состоянии противника, и Вальтер не без удовольствия отметил заторможенность Зуброва. В голове будто тикал таймер, отсчитывая секунды до броска. Три, два, один...

Собрав все сбережённые силы, Антон обрушил серию джебов. Он развернулся на опорной ноге и сделал движение тазом вперёд, ударя голенью в бедро Костика. Затем парень сделал тычок в корпус, выполняя мидл-кик. Вальтер сразу же стал сыпать зарядом джебов снова, не позволяя Косте оценить ситуацию. Он вынудил противника поднимать руки выше, чтобы закрыть голову, и в это время перенёс вес на дальнюю ногу, шагая вправо, чтобы пробить левый мидл-кик в печень.

Здоровяк взвыл и плюхнулся на колени, шипя и сдавленно мыча. Бой закончился. Воющий на земле Зубров явно не был в состоянии продолжать. Антон опустил руки, разгладив закатанные рукава с таким шорохом, словно бы ставил точку в этом поединке. Орава ребят хлынула к блондину, тряся того за плечи и наперебой высказывая поздравления, а он лишь сдержанно улыбался и вежливо кивал каждому, будто общий восторг шёл мимо него.

— Ты как? — Ромка коснулся плеча друга, заглядывая тому в глаза.

— Как видишь... — Антон вскинул брови, мотнув головой в направлении Зуброва, который всё ещё раскачивался, как маятник, сидя на земле. Гром хмыкнул и посмотрел на Джона.

— Доволен?

— Более чем, — усмехнулся парень, постукивая ногтями по крыше машины.

Костик следил за тем, как народ обступил Антона, с нескрываемым восхищением глядя на него и бросая короткие фразы, на которые блондин чаще отвечал улыбкой. Он купался в лучах славы. Громов тоже говорил ему что-то, судя по шевелению губ, а Жожа...

Лим покуривал сигарету, свесив набок голову, и одним только взглядом говорил Зуброву, какое он ничтожество. Острый разрез глаз искрился смешинками, когда Жожик косо ухмыльнулся, показав однокласснику средний палец. Приток ярости ударил толстяку в виски. Он шумно выдохнул, чувствуя, как наливаются жаром щёки.

Переведя взгляд на Джона, он увидел, что и тот неотрывно наблюдает за немцем. Главарь подозвал к себе двоих подчинённых и произнёс какую-то фразу, на которую те двое, как по команде, вперились глазами в парня, которого сейчас поздравляли друзья.

Костя снова оказался не у дел. Как всегда. Стоило ему подумать, что он чего-то достиг, обрёл своё место, поверить, что у него есть шанс на признание, как всё это скопом полетело в пропасть. Поганный немец уже испортил ему жизнь однажды, и вот теперь это повторилось, как древнее пророчество, являющееся с определённой периодичностью. Удушливые слёзы были готовы сорваться, но тут Зуброва осенило. Пальцы потянулись к левому ботинку, ухватились за грубый материал кожаменителя, проникли за ткань чёрного носка и нырнули к щиколотке, подхватывая небольшой предмет, похожий на продолговатый камень.

— Гром, два слова! — окликнул Джон и махнул рукой, когда брюнет метнул в него недоверчивый прищур.

Ромка закатил глаза и пошёл к нему, утопив руки в карманах спортивок. Стало заметно холодать, и парень втянул шею в плечи, ощущая понижение температуры.

— Чё надо?

— Ты давно его знаешь? — Кудрявый чуть наклонился к Роме, понижая голос.

— Давно, — бросил Громов, не прекращая сверлить собеседника подозрением. — А что?

— Да так... — Джон легковерно пожал плечами, отводя глаза, будто потерял интерес к разговору. — Неплохо махается. Я бы даже сказал, хорошо. Мне кенты братишки рассказали, как вы их там крутили в баранки, но особенно выделяли белобрысого. Решил лично посмотреть.

— Тебе-то что с этого вообще? — Ромка потянул вверх один уголок рта.

— Не твоя забота, Громов, — лукавая усмешка исказила его лицо. — Крепче спать будешь без лишних знаний.

— Хера с два он к тебе пойдёт, — хохотнул брюнет, эффектно скрещая на груди руки. — Для твоей шайки только такие, как Зубров, и годятся... — Он мельком посмотрел на Костика, играя ухмылкой, и уже собирался вернуть внимание Джону, как вдруг повернул шею обратно, вытаращив глаза в неверии.

Здоровяк, прихрамывая, полетел в толпу, улучив момент, когда Антон встанет к нему спиной. В огромной ладони сверкнуло лезвие складного ножа.

— Джон! Менты! — гаркнул один из новокнязевских, едва вдалеке завывла сирена. Кудрявый выругался и забрался в машину, захлопывая дверь.

— Тоха! — Ромка не думал. Он просто рванул Зуброву наперерез, практически подлетая на бегу.

Вальтер нахмурил брови, услышав панику в голосе друга, и качнулся, когда Гром возник рядом, словно пуля, выпущенная из «кольта» в упор. Ему пришлось ловить брюнета, чтобы тот не опрокинулся под ноги народу.

— Ром, ты чего? — Серые радужки в непонимании скользнули по его рукам, сдавившим олимпийку Антона в районе воротника.

Рома кашлянул, выпучив глаза. В них отражалось смятение, смешанное с пугающим оцепенением. Будто кровь на мгновение перестала циркулировать, заморозив реакции парня. В толпе ребят поднялся гул, Антон крутил головой, не зная, кого слушать.

— Ах ты, сука! — Жожик натурально зарычал, набрасываясь на Зуброва сзади и отшвыривая в сторону. — Ты чё, блять, сделал, гнида?! — Корейчик срывал связки, не контролируя себя от гнева.

Машины новокнязевских сверкнули фарами в ночи, удаляясь от клуба. Вой сирены приближался, основная масса ребят рассредоточилась по автомобилям либо разбежалась кто куда. Музыка в клубе стихла, и разодетый народ хлынул наружу, кутаясь в верхнюю одежду. Рядом с Антоном остались человек пять.

— У него к-кровь! — дрожащим голосом выдал парень в шапке-петушке и посмотрел на свою ладонь после того, как подхватил Грома под пояс.

— Я не хотел! Я не... — Зубров отступал, уходя от наступления Жожи. Он не договорил, схваченный корейцем за грудки.

— Я тебе сейчас еблет вскрою, сука! — прорычал он сквозь зубы и уже замахнулся кулаком с железным кастетом, как увидел на земле красно-синие всполохи. — Блять! — Гоша обернулся: «уазик» подъезжал к месту драки, крикая сигналом и заливаясь воем сирены. Корейчик зыркнул на одноклассника, молча обещая ему продолжение «разговора», и отпихнул от себя. Костя бросился бежать, исчезая в темноте.

— Ром! Рома! — Антон тряс его за плечи, не позволяя другу осесть, и рывками ставил того на ноги.

— Больно, блять... — прошипел Громов, корчась. Он схватился рукой за бок, пропитывая кожу собственной кровью.

— Ромыч, ты как?! — Гоша создал поток ветра, подбегая к ним. — Бля, ты не умирай только, по-братски!

— Ну, если ты просишь... — он попробовал посмеяться, но пожалел об этом, потому что боль пронзила его с новой силой. — Блять!

Все повернули головы на быстрые шаги. Из «уазика» вышел милиционер высокого роста и одёрнул бушлат на широких плечах. В свете фар парни безошибочно узнали фигуру лейтенанта Воронцова.

— Это какого ляда у вас тут происходит, шпана?!

Глава 3. Охота на волчонка.

Это было так волнительно. Перрон кишел народом, из вагонов высыпали мужчины в зелёной форме, которых моментально завлекали в жаркие объятия их родные и близкие. Ото-всюду слышались обрывки разговоров, перебиваемые радостным плачем или залпом поцелуев, что сыпались на лица солдат. Афганистан оставил на них метку суровости и одарил напоследок ранними морщинами, сединой, а также тихим, невыразимым криком в глубине зрачков. В те трогательные моменты, когда их щёк касались губы матерей или жён, опалённые испытаниями лица смягчались, на мгновение становясь прежними. Было в этом нечто исцеляющее, словно сами ангелы спустились, даруя благословение.

Люди проходили мимо, таща наперевес увесистые чемоданы и пакеты с продуктами. Семьи, дождавшиеся своих героев, не могли наговориться, бесконечно обнимаясь на ходу и в запале рассказывая обо всех накопившихся событиях. День выдался необыкновенно солнечный, несмотря на то, что совсем недавно прошёл ливень. Летнее солнце подогревало асфальт, высушивая последствия непогоды, и в воздухе оседали испарения, налипая на кожу и создавая духоту.

Рома утирал капли пота со лба, вглядываясь в череду зелёных гимнастёрок, и чувствовал набат сердца, готового покинуть грудную клетку. Один из этих солдат — его отец. Мальчик держал фотографию с изображением Василия и поглядывал то на неё, то на мужчин в толпе, словно опасался вдруг не узнать его. Он никогда не встречал отца вживую. Мать узнала о беременности в тот момент, когда главы семейства уже не было в посёлке. Поначалу она говорила, что папа работает где-то очень далеко, а потом сообщила о его отъезде в Афганистан.

Рома обернулся, когда на его плечо легла лёгкая рука матери. Олеся Громова высилась за его спиной, посылая сыну тёплую улыбку. Низкого роста, с фигурой миниатюрной статуэтки, она стояла в чёрном сарафане в белый горошек. Её каштановые волосы касались лопаток, скручиваясь в завитки, а чёлка игриво свисала набок, вздёрнутая кверху из-за кудрявости. Она имела мягкие черты лица, что позволяло ей выглядеть значительно моложе своих лет. Округлые глаза, тонкий маленький нос, припухлые губы и острый подбородок создавали впечатление чистоты и наивности. Брови дугой придавали взгляду открытость.

— Вон он, Рома! Это папа! — Она вытянула руку, указывая пальцем на мужчину. Наивное лицо лучилось радостью, а нежный мелодичный голос трепетал от предвкушения.

Мальчик проследил за её пальцем и обнаружил, что к ним подошёл человек. Было так странно наконец увидеть того, кому ты обязан своим рождением. Ромка изучал худого поседевшего незнакомца и пытался понять, что чувствует. Мужчина делал то же самое, чуть ли не придиричиво оглядывая отпрыска. Он шурился из-за солнца, дымя папиросой, зажатой в зияющей дырке в том месте, где были зубы. Часть резцов словно была выбита, судя по неровным сколам.

Челюсть его покрывала грубая щетина, кожа местами была тёмно-коричневой от загара, от мужчины пахло табаком и потом, смешанными с копчёностями и выпивкой. Его худоба показалась Ромке нездоровой, но он промолчал, решив, что говорить об этом будет излишне. Мальчик мельком взглянул на фото и сравнил увиденное с реальностью. Трепет отступил, являя пресное недоумение. Ему казалось, этот человек с фотографии, пышущий энергией и задором, — какая-то глупая шутка.

На фото отец обнимал своего пса, сияя широкой улыбкой. Все зубы на месте, на голове эффектный пробор, выбритое лицо и веселье во взгляде. В реальности же это был измождённый, потрёпанный полустарик, смотрящий на него отнюдь не добросердечными глазами. Почему-то Роме стало неприятно. Захотелось уйти домой.

— Ну чего ты? Обними папу! — Олеся приняла ступор сына за стеснение и простодушно подтолкнула его в лопатки. Мальчик сделал усилие над собой, чтобы шагнуть вперёд, и ему совсем не понравилось нарастающее волнение в животе.

— Ну здорово, сынок... — это прозвучало так чужеродно и подчёркнуто бойко, что Рома совсем сник. — Чё ты нос-то повесил, а? Иди уже сюда, балбес! — Шершавая рука притянула его к разящей потом гимнастёрке. Роме пришлось потереться о неё щекой, улавливая признаки немытой одежды в виде пятен и жирных разводов. Второй рукой Василий взлохматил ему чёрные волосы, и теперь это выглядело так, будто у мальчика на голове щетинился кот.

Устойчивый сигнал неприязни бился о виски мальчишки. Он как можно мягче отстранился, пятясь к матери, и всё вытирал лицо рукавом футболки. Совсем не таких ощущений он ждал от первой встречи с отцом.

— Какой он у тебя необщительный, Олеська... Немой, что ли? — Василий обнял жену за плечи, перекатив папиросу на другую сторону.

— Васенька, он же тебя не видел ни разу, ему привыкнуть надо... — словно извиняясь, произнесла мать, прижимаясь к мужу.

На это отец снова перевёл взгляд на сына. Что-то плескалось в этом прищуре, не имея малейшего намёка на теплоту. Серые глаза источали бездушие, граничащее с чем-то зверским, но затаённым, будто бы волк оценивал ситуацию, вычисляя подходящий момент для нападения. Ромка сглотнул и отвёл глаза, всё равно чувствуя, как пылает затылок, который отец буравил насквозь.

Ромка сидел в своей комнате, обхватив руками колени. Мальчик смотрел в окно, наблюдая за деревьями близ дома. Лёгкий ветер колыхал их, перебирая листвой, а редкие облачка лениво плыли по ясному голубому небу.

Не так давно во дворе под яблоней, где Рома любил гонять мяч, отец соорудил вольер. Теперь в семье появился ротвейлер по кличке Граф. Этот пёс не мог похвастаться добрым нравом, поэтому Рома старался избегать контакта с ним. Всякий раз, когда он проходил мимо вольера, Граф низко опускал голову и рычал, широко расставив лапы. Мальчик буквально чувствовал, как злобный взгляд пса выжигает ему затылок. Стоило сделать резкое движение — и собака бросалась на металлическую сетку вольера, брызжа слюной.

Мать тоже не пылала любовью к животному, однако иногда отец заставлял её или сына кормить пса, но чаще делал это сам. Только в Василии Граф признавал хозяина, ползая перед ним на брюхе. Оно и понятно — сложно не подчиниться, если противник не чурается грубой силы. Рома помнил, как Василий однажды схватил ротвейлера за ошейник и поднял на уровень лица, когда тот имел неосторожность зарычать на него во время кормёжки. Собака беспомощно болтала лапами, поглядывая вниз, а отец встряхнул её, как тряпку, и швырнул в другой конец вольера. Несмотря на скудные внешние данные, Громов-старший обладал недюжинной силой, что сбивало Рому с толку.

Через некоторое время пёс научился выполнять команды по типу «лежать», «место» и команду атаки, которой отец обучил его, дабы прогонять с участка лисиц и шакалов. В условиях тайги поблизости они были нередкими гостями.

Ромка поддел пальцем родимое пятно на груди и обвёл его подушечкой по контуру. Оно было яркого розового цвета и по форме напоминало расплывчатое сердечко. Он часто поглаживал пятно, стоило ему уйти в задумчивость. Вот и сейчас мальчишка просунул кисть под ворот футболки и повторял очертания розовой выпуклости, едва касаясь ногтем. Как-то давно Рома спрашивал у матери насчёт такой необычной отметки на теле, но Олеся лишь бросила нечто неопределённое по типу: «Может, было у кого-то из родственников».

Их жизненный уклад переменялся с приходом отца. Василий требовал неукоснительного подчинения от членов семьи, устанавливал свои порядки во всём и был неумолим, если кто-то осмеливался перечить. Чаще этим «кем-то» был Рома. Олеся покорила мужу практически с порога, прекрасно зная его характер, однако и она моментами вмешивалась в то, что Василий называл «воспитательным процессом».

Тёплая струйка зашекотала верхнюю губу. Ромка вытер её пальцами другой руки и нахмурился, рассматривая кровавую юшку. Из зала раздавался оглушительный грохот боевика по телевизору. Громов-старший раскинулся перед ним на диване, допивая очередную бутылку водки. Мать рыдала на кухне, сметая веником осколки, что разлетелись по комнате, когда отец семейства швырнул стакан в Рому.

Всё началось с того, что Василий позвал сына на кухню. Пьяным заплетающимся языком он назвал его по имени. Рома слышал, но продолжал смотреть мультики в зале, игнорируя папашу. Второй раз имя прозвучало более требовательно — сердце мальчика предательски дрогнуло от надвигающейся угрозы, и всё же Ромка заставил себя не двинуться с места. Третий окрик сотряс весь дом, и тогда вмешалась мать.

Олеся вбежала в зал и села рядом на диван, шёпотом прося сына отреагировать. Вид у неё был безумный. Некогда красивая женщина стала похожа на пациентку психушки: волосы её топорщились, под глазами залегли круги, кожа посерела, а белки глаз усеялись красными паутинками. Она забросила косметику, потому что отец запретил, и начала носить убогие домашние халаты, лишь бы не привлечь ненароком взгляды чужих мужчин.

— Сыночек, иди к нему... — она притянула Рому за футболку, дыша ртом. — Иди, не зли его! — Олеся нервно рванула ткань, тут же отпуская.

Мальчик молча отодвинулся и продолжил наблюдать за Чипом и Дейлом на экране. Боковым зрением он видел, как мать закрыла лицо руками и всхлипнула, перемещая ладони на волосы.

— Рома, не испытывай судьбу! — взмолилась она, сползая на пол перед ним и тормоша сына за плечи. — Он же!.. Он не прощает такого! — Женщина осеклась, слыша возню, и быстро проговорила, всё ещё надеясь уладить ситуацию.

Ромка перевёл пронзительные карие радужки на мать. Он боялся. Боялся того, во что превратил её этот человек за какие-то полгода. Перепуганная, забитая, лишённая радости, она лишь отдалённо напоминала прежний образ матери. Он боялся псины в вольере, который занимал его любимое место для игр, боялся задержаться из школы, внезапного молчания пьяного отца, его сбивчивых шагов, когда тот валился с ног, допившись до предела. Страх сковал его, врос в него, вынудил защищаться, изворачиваться. Однако намного сильнее был страх за мать. Он уже несколько раз вставал между ней и отцом, когда тот избивал её в пьяном угаре.

Василий переключался на сына и добавлял ему новых синяков на теле. В школе Рома врал, что упал с велосипеда, или выдумывал истории активных игр с ребятами.

«Если ты мужик, то и веди себя как мужик! Стучат только сопляки и маленькие девочки!»

Фраза папашы въелась в мозг намертво. Рома молчал. Он сносил побои, оскорбления, сам напрашивался на тумаки, но тем самым гораздо меньше доставалось маме. Мать была ему единственным близким человеком, и одна только мысль о том, что она может пострадать, вызывала в нём ужас.

Ромка прыгнул на пол и обогнул мать, по пути погладив её по волосам. Он вышел на кухню, шагнув под тусклый свет лампочки Ильича. Отец сгорбился над столом, как уродливый тролль, рука его сжимала пустой гранёный стакан. Он почти засыпал и встрепенулся, качаясь на стуле и щурясь при попытке сфокусироваться на сыне.

— Ты что же... ищ-щенок! — выплюнул он, скользя по лицу мальчика стеклянными глазами. — Тугой на уши? Сколько раз я тебя позвал?

Рома поджал губы. Карие радужки затопила ненависть, переплетаясь со страхом. Тельце словно стянули цепи, утяжеляя и не позволяя сдвинуться. Он так и стоял, вдыхая зловонный запах перегара и жареной рыбы, которую мать готовила совсем недавно. Лопатками он нащупал стену и прислонился к ней, чтобы чувствовать хоть какую-то опору.

— Ты чё, сучонок, издеваешься?! — Последнее слово разбилось так же, как стакан, влетевший в дверной косяк недалеко от Ромы. Стекло будто взорвалось, протаранив голубую краску в стене и обнажив штукатурку. Звон летящих осколков пошатнул воздух, ударяя по перепонкам. Рома внутренне порадовался, что надел спортивные штаны, потому что мелкие кусочки стекла повредили только ткань, не добравшись до кожи. — Отвечай, когда я с тобой говорю, блять!

В ответ Ромка лишь втянул губы так, что те зажались между зубами. Он смотрел на отца в упор, будто бы кидая тому вызов. Мальчик не знал, откуда в эти моменты в нём берётся запал сопротивляться, но повиновался порыву, до последнего отстаивая свою линию. В коридоре раздались робкие шаги. Олеся выглянула из-за угла, во все глаза наблюдая за происходящим. Отец сорвался с табурета, на котором сидел, и ударил наотмашь, вложив в это действие всю ярость. Рука его проскользнула по воздуху, как небольшая коса, и со шлепком упала на лицо сына.

Ромка не устоял на ногах, рухнув на пол. Затылок больно стукнулся о тумбу, и в голове запульсировала кровь. Щёка и нос горели, будто Рома подержал их над огнём. Он чувствовал, как область удара наливается жаром. Делая вдох, мальчик понял, что втягивает носом что-то жидкое. Он шмыгнул, слыша влажный хлюп, и прислонил тыльную сторону ладони под ноздри. Поднеся руку к глазам, Ромка сглотнул, узнавая кровь. Сын исподлобья посмотрел на отца. Нутро его трепетало от несправедливости, злобы и горькой обиды. Белки глаз подёрнулись красным, лицо сделалось пунцовым. Он заплакал беззвучно, почти не моргая, продолжая сверлить родителя смесью гнева, боли и горечи.

Как же ему хотелось, чтобы отец исчез. Просто взял и растворился, будто его никогда и не было. Им с матерью жилось намного лучше без него. Когда Василий наклонился к нему, обдавая сына смрадным дыханием, Рома мельком оглядел область груди папаши, свободную для обзора из-за майки-алкоголички. Ничего. Волна облегчения пронеслась по душе: родимое пятно точно не передалось по линии отца, иначе бы мальчишка вырезал его кухонным ножом или исцарапал камнем, лишь бы не иметь никакой связи с Громовым.

— Я тебя, выродка, научу меня уважать... — процедил он, удерживая сына за шею. Тут перед ним возникла Олеся, повиснув на плече.

— Васенька! Не надо, Васенька! — лепетала она, сглатывая слёзы. — Что в школе скажешь? Долго отговариваться не получится, Вась!

— Заткнись! — Ромка вздохнул, так и оставив рот открытым, когда отец впечатал мать в стену, скинув с себя, как мешок с картошкой. — Ты воспитала его плаксой! Бабе нельзя доверять воспитание мужика! — Он замахнулся, Олеся прикрыла голову руками.

Ромка не думал. Красный индикатор в его голове забил тревогу — необходимо было защитить мать. Быстро оглядев пол, он нашёл крупный осколок от стакана и схватил его. Не медля ни секунды, мальчишка рванул на отца и полоснул его по нижней части спины. Василий выгнулся, заорав на всю кухню, и повернул остервенелое лицо к сыну.

— Мамку тронешь, я тебе этим кишки выпущу! — Рома держал перед собой треугольный осколок двумя руками. Адреналин сотрясал его тело, он весь артачился, как зверёныш, и сверкал чистым гневом во взгляде. Прозрачное стекло вымазалось в крови, что стекала ему на пальцы. Василий неожиданно замер, сканируя эмоции на лице сына, а потом вдруг ухмыльнулся.

— *Вот... теперь вижу, мой сын!* — не без гордости изрёк он, покачнувшись от избытка алкоголя. Пошарив по карманам, Василий вынул пачку сигарет и вставил одну в зубы. — *Приберись тут,* — бросил он матери, подхватывая бутылку и выходя из кухни.

Рома размышлял обо всём случившемся. Был ли он хотя бы наполовину таким же, как отец? Параллель с этим человеком совершенно не вызывала восторга у мальчика. По рассказам матери отец представлялся ему героем, едва ли не рыцарем в латных доспехах, а на деле это оказался бездушный, жестокий подонок, понимающий только грубую силу. Для таких, как Василий, существовал лишь язык насилия. В серых радужках папаши чётко угадывалось признание, когда Ромка ответил на понятном ему языке. Но мальчик сделал это не затем, чтобы доказать что-либо человеку, по трагичной случайности приходящемуся ему родителем. Это был порыв защитить мать. Сам Рома не испытал ни грамма удовольствия от того, что натворил. Выброс адреналина, животный страх за маму, предчувствие расправы за этот выпад, а потом... грызущее чувство вины. Он сожалел, что причинил кому-то боль. Пусть это и чудовище в виде его отца.

За спиной послышались шаги. Громов-старший толкнул дверь в комнату сына и встал на пороге. Ромка повернул голову, чтобы следить за ним боковым зрением.

— *Пойди в магазин и купи коньяка на вечер. Люди придут, а на стол поставить нечего...* — пьяно растягивая слова, пробурчал отец.

Мальчик насупился. Он прекрасно знал, о каких людях речь. Папашу нередко навещали мутные типы, с которыми они потом вершили грязные делишки. Если в посёлке что-нибудь пропадало, то Рома не сомневался, с чьей помощью.

— *Давай деньги,* — выдохнул мальчик, устав за сегодня выяснять отношения.

— *А ещё чё тебе дать? Пойдёшь и найдёшь.*

— *Где я тебе найду?* — взвился Рома, поднявшись на ноги. — *Они на дороге не валяются!*

— *Мне похуй где!* — рявкнул отец, заставляя Рому вздрогнуть. — *Залезь и стащи, значит! Но без коньяка домой можешь даже не соваться!*

Он хотел было выпалить что-нибудь в ответ, но за спиной отца возникла мать. Олеся мотала головой, как бы прося не накалять обстановку, и сын выдохнул поток негодования через ноздри. Мальчик взял с кровати любимую чёрную олимпийку с тремя полосками и просунул руки в рукава.

— *Молодец...* Время у тебя до шести вечера, балбес! — Василий несильно хлопнул его по затылку, когда Ромка проходил мимо.

На это мальчишка резко развернулся, метнув предупреждение во взгляде, но папаша лишь рассмеялся:

— *Ну, волчонок, а! Такого волчару можно вырастить!*

Пришлось снова сдержаться. Голубые радужки матери смотрели на него с мольбой, и мальчик молча сунул руки в карманы кофты, влезая в кроссовки.

Ноябрь вот-вот перетёк бы в декабрь. Погода снаружи испортилась, и теперь небо затянули тёмно-серые тучи, а ледяной ветер пронизывал до костей. Опавшие коричневые листья ударялись о лицо, Рома едва успевал дышать от мощных порывов ветра. Он втянул шею в плечи, пытаясь унять дрожь. Организм отчаянно хотел спастись от холода, вызывая самую настоящую тряску.

Рома не представлял, куда идти. Воровать он не собирался, но и подводить мать не имел права. Отец бы обязательно отыгрался на ней, зная слабое место отпрыска. Мальчик бесцельно бродил по улицам посёлка, хаотично соображая, что предпринять. Сначала он подумал о Жожике, но его мать снова ушла в запой, и всё время он уделял ей, следя, чтобы та не наворотила дел.

За спиной Рома услышал рокот мотора и отошёл на обочину, позволяя машине проехать, однако по мере приближения к мальчишке автомобиль ехал всё медленнее. Ромка посмотрел через плечо назад и насторожился, хмурясь. Милицейский «уазик» настиг его, плавно тормозя на обочине с противоположной стороны. Из опущенного окна высунулся лейтенант Воронцов, одетый в бушлат и шапку-ушанку с кокардой.

— Ты шо это здесь блукаешь, пацан? — сказал он низким прокуренным голосом. — Вышел шакалов покормить? — Карие глаза милиционера сощурились, когда тот заметил, насколько легко одет ребёнок.

— Вам-то какая разница? — ошетинился мальчик, так же сужая глаза. — Я нарушил что-то? Нет? Вот и езжайте, куда ехали.

Воронцов усмехнулся, качнув головой. Сколько он уже успел повидать подобных сорванцов за годы службы. И милиционер прекрасно знал семейство Громовых. Василий был приметным криминальным элементом до того, как попал в Афганистан. Вова учился с ним и Олесей в одном классе. Уже тогда Громов сколотил банду из себе подобных, устраивая разбой и мелкие кражи. У Василия был брат, которого застрелили на одной из разборок. Он и покойный брат Николай были детьми такого же бандита, каким стал Василий. Семейный подряд, чтоб его. По сей день Владимир не понимал, что Олеся нашла в этом ублюдке.

По синякам и опухшей щеке Ромы Воронцов догадался, что одноклассник применяет те же методы воспитания, что и когда-то отец Василия. Руки сдавили руль в приступе внезапной ярости, но опытный милиционер совладал с эмоциями.

— Забирайся, подвезу. Скоро дождь начнётся, а ты тут маячишь, как тополь на Плющихе.

— В помощи ментов не нуждаюсь! — крикнул Ромка, но тут же почувствовал укол в груди. Считал ли он так на самом деле? Из рта выскочило «убеждение», вбитое отцом. Почему-то мальчик запоздало побоялся обидеть Воронцова.

На это милиционер лишь закатил глаза и перегнулся через коробку передач, надавливая на ручку двери со стороны пассажирского сиденья.

— Слышь, малец, пьесу сворачивай и бегом в машину, — проговорил лейтенант, делая тон командирским. Его специфичный говор позабавил Рому. Буква «г», которая из уст мужчины звучала как нечто среднее между «г» и «х», словно брала разгон напрямую из гортани, оглушая зычностью. — А то шакалы задницу отхватят, мамке шо потом скажешь?

Под напором милиционера мальчик всё же пошёл к автомобилю, всем видом изображая великое одолжение, хотя внутренне был рад наконец попасть в тепло. Едва он запрыгнул в «уазик», то вжался в спинку сиденья плечом и стыдился, что не может унять дрожь.

Воронцов поджал губы, делая вид, что внимательно смотрит на дорогу. Он передвинул ползунок на печке в центр, и поток горячего воздуха хлынул на Рому. Машина тронулась, неторопливо ползя по разбитой дороге. Владимир держал руль одной рукой, а вторая по-барски покоилась в районе колена, отбивая ритм по серо-голубым брюкам. Он искоса глянул на попутчика, проверяя, насколько тот согрелся. Ромка совсем расслабился, подставляя ладони под самую печку. Пальцы его были багровыми от мороза, и мальчик шипел, явно чувствуя болезненные покалывания от смены температур.

— Тебя куда? Домой?

— Нет! — вдруг выпалил Рома, широко распахнув глаза, но тут же осекся. — То есть... я же только вышел, погулять хочу... — Он надеялся, что достаточно убедительно сказал, однако лейтенант прищурился, и его взгляд затопило понимание.

— И как тебе гуляется на морозе? Нос ещё не отпал? — привычным строгим тоном изрёк Воронцов, кивая на тонкую олимпийку. — Мамка шо там? Нормально всё?

— Нормально... — выдохнул Рома, опуская глаза. — Да какая вам разница? Как хочу, так и гуляю! — Он вскинул голову, сдвигая брови на переносицу.

— Одна любит, другая дразнится, вот и вся разница! — Владимир повторил его мимику, зыркая на мальчишку, но крылатое выражение смягчил, дабы побережь детские уши. — Давай-ка не кобенься! Батю я твоего со школы знаю. Он в своё время так же «прогуливался», когда дед твой его из дома вышвыривал.

Ромка стиснул челюсти и посмотрел себе на кроссовки. Пальцы сдавили обивку сиденья. Как же унизительно было всё это. Он скитался по улицам, как бродяга, опасаясь возвращаться в собственный дом.

— Голодный небось? — голос лейтенанта стал мягче, но всё равно звучал повелительно.

Будто соглашаясь с ним, живот Ромы заурчал, на что мальчишка втянул его, придавливая к спине в надежде, что тот замолкнет.

— Нет! — огрызнулся Ромка, вызывая у Воронцова смех.

— Не брешь, — кинул лейтенант, улыбаясь, и повернул в направлении участка.

В кабинете Воронцова Ромка принялся с аппетитом поглощать еду. Рядом с канцелярской утварью, стопкой исписанных бумаг и чёрным стационарным телефоном стояла белая керамическая тарелка с синей каймой, в которой лежали бутерброды с сыром и копчёной колбасой. Их милиционер сделал ещё утром перед выходом из дома. Он собирался перекусить, вернувшись в участок, но судьба подбросила ему по пути голодного ребёнка, что сейчас аж прикрывал от удовольствия глаза, смакуя каждый кусок. В металлической кружке пах бергамотом сладкий чай. Рома запивал им, делая осторожные глотки, дабы не обжечься.

По обыкновению шурясь, Воронцов ещё раз посмотрел на мальчишку. Скинув кроссовки, тот забрался на стул по-турецки, сидя вплотную к широкому рабочему столу лейтенанта. Ближе к щиколоткам штаны имели посеченные полосы, как от мелких лезвий. На руках и шее виднелись отметины, как если бы его кто-то грубо хватал или бил. Милиционер напрягся, опуская брови на глаза. Не должен мальчик двенадцати лет переносить такие испытания.

Невольно вспомнилось собственное детство, отчего желудок сжался. Отец Владимира тоже был милиционером и работал в те времена, когда эта профессия считалась почётной и престижной. Это обстоятельство накладывало обязательства на подрастающего Вову. Как сын капитана милиции, он должен был блистать во всём, начиная от оценок и заканчивая спортивными соревнованиями. В том случае, если Вова отклонялся от идеала, отец наказывал его, увеличивая нагрузку.

Бывало, Воронцову приходилось отжиматься триста раз, пока родитель считал, сидя рядом, и заставлял начинать сначала, если сын недостаточно низко опускался. Он устраивал для него раннюю пробежку, задавал решать задачи, опережающие школьную программу на год, оставлял на морозе на полчаса в одном свитере, чтобы закалить организм. С возрастом сын начал огрызаться, высказывая личное мнение, и тогда в ход шли затрещины, умирившие пыл. Впрочем, несмотря на периодическую трёпку, Вова продолжал гнуть свою линию, ударяя по авторитету отца непослушанием.

Его кабинет не отличался ничем вычурным. Широкий рабочий стол с ящиками, стационарный телефон на нём, лампа, стопки документов, шкафы с папками и настенные часы квадратной формы, к которым Воронцов сидел спиной. В комнате витал устойчивый запах синего «Винстона» и древесно-цитрусовых духов милиционера. Этот аромат преследовал мужчину, куда бы он ни шёл. «Уазик» пропах им насквозь, как и бушлат, как и череда голубоватых милицетских рубашек.

Ромка прищурился, заостря внимание на медной статуэтке человечка на лошади. Она стояла недалеко от лампы. Человечек был одет в шаровары с чётко выведенными лампасами, гимнастёрку и папаху. Над губой у него виднелись густые усы, а из-под папахи выглядывал чуб. Одной рукой он держал повод, а вторую занёс над головой, вытягивая шашку.

— Что это? — мальчик кивнул на предмет, проглотив кусок бутерброда.

— Это донской казак, — Воронцов улыбнулся уголком рта. — Сувенир с малой родины. Я-то сам из Ростова. А сюда попал лет в четырнадцать, когда отца по распределению направили.

— Выглядит грозным... — задумчиво выдал Ромка, продолжая смотреть на статуэтку.

— А то! Характерные ребята! — Лейтенант хрипло усмехнулся. — Наелся?

— Да, спасибо, дядь Вов.

В тарелке не осталось ничего, кроме редких крошек. Кружка тоже опустела. Рома откинулся на спинку стула, сложив руки на животе.

— Так вы, значит, казак?

— Ну, скорее потомок. Дед ещё казаковал, а мы вот... В другое русло подались с батей, — лейтенант стянул бушлат и повесил его на спинку кресла.

Рома замолчал, обводя глазами помещение. За шкафом для формы блеснул гриф гитары, прижатой к стене.

— Играете? — мальчик кивнул на инструмент, и Воронцов перевёл взгляд в направлении кивка.

Привычным прищуром он смотрел на гитару, словно в пригласительном жесте склонившую гриф набок. Воронцов начал играть ещё будучи пацаном, подсматривая технику у местных дворовых гитаристов. Методом проб и ошибок он сам научился перебирать струны, чтобы выходило вполне себе сносно. Постучав ногтем по крышке стола, милиционер поднялся, будто всё же решившись, и обогнул рабочее место, подойдя к шкафу и обхватив рукой гриф.

Гитара оказалась в его руках, легонько брякнув. Самая обыкновенная классическая, светло-коричневого цвета, с нейлоновыми струнами, небольшая по размеру. Ромка с интересом проследил за ней, когда мужчина прошёл мимо него и взялся за кресло, вытягивая его в центр комнаты. Лейтенант сел, уложив инструмент на бедро, и его пальцы левой руки заскользили по аккордам, пока правая размеренно дёргала струну за струной. Низкий голос с хрипотцой весьма кстати подошёл песне "Позови меня" группы Любэ.

Ромка поймал себя на мысли, что сидит на стуле, обхватив колени и поставив на них подбородок. Он бы всё отдал, чтобы это мгновение длилось вечно. Не было страха, не было гнетущих мыслей о завтрашнем дне, был только кабинет, лейтенант и чарующая, отдающая чем-то родным и сокровенным песня.

Карие радужки наблюдали за движением мозолистых пальцев Воронцова. Вот бы и Ромке так же однажды научиться играть. Музыка действовала как живительный источник, воскрешая всё лучшее внутри и навевая приятные размышления. Голос лейтенанта взвился, срываясь в полёт постепенно, и так же поэтапно стих, приземляясь.

Раздался настойчивый стук в дверь. Воронцов прекратил играть и метнул прищур в её сторону.

— Да.

В проёме показался Дементьев. Упитанный мужчина с седыми усами заглянул внутрь, держа в пальцах какие-то бумаги.

— Не помешал?

— Заходи, Алексеич, — милиционер махнул кистью, приглашая, и отставил гитару, упревая её в стол.

Дементьев вошел, быстро оценивая обстановку. Он задержал взгляд на Ромке и протянул Воронцову отчет. Лейтенант пробежался зрачками по строчкам, прежде чем цокнуть и чуть ли не брезгливо швырнуть их себе на стол.

— Блять, пианино?! — ругнулся он, позабыв о присутствии мальчишки, но потом скривился, приложив руку к груди, как бы извиняясь. — Пианино-то как они вытащили? А главное, пёрли как? На горбу, блять?!

— Та пёс его знает! Я только от потерпевших, свидетелей опросили — никто ничего не видел, никто ничего не знает.

— Короче, пианино у нас ноги отрастило и гуляет по посёлку, — изрёк лейтенант, выжывая сигарету из пачки, и подкурил её зажигалкой. — Ладно, скажи Аристову, пусть мальчика домой отвезет, а мы разбираться будем.

И тут Ромку прошибло, словно кто-то выронил ему на затылок обух топора. Который час? Глаза мальчика устремились на квадратные часы. Он сглотнул, понимая, что стрелка неумолимо движется к шести, а коньяк он так и не достал. Его снова затрясло, но теперь уже не от холода.

— Малец, всё нормально? — голос Воронцова тлел где-то на задворках, пока мальчишка отчаянно соображал, как ему быть.

— А? Д-да... Всё нормально... — как в трансе ответил тот, чем вызвал острый прищур у лейтенанта. — Перемерз, наверно...

— Дома чаю горячего пей побольше и под одеялом сиди, — бросил милиционер, набирая номер Аристова на диске телефона. — Алло, Витя? Зайди ко мне.

Трёпки было не избежать, это уж точно. Всю дорогу, что они ехали домой, Ромка думал об этом, и органы скручивало всё сильнее. Сердце рвалось наружу, молотя в рёбра, тело пробирала жуткая дрожь. За окном УАЗика мелькали дома, почти полностью голые деревья, прогибающиеся под ноябрьским ветром. Рома снизу вверх посмотрел на бесцветное выражение лица Виктора Аристова и еле сдержался, чтобы не броситься умолять его развернуться. Если бы милиционер повернул сейчас голову в его сторону, то заметил бы блеснувшие на нижних веках слёзы. Рома топил их в себе, но те просачивались, будто потешаясь над ним. По неведомой причине мальчик вернулся мыслями к Воронцову. Посторонний человек был так добр к нему, проявлял участие, разговаривал с ним на равных, а не из позиции надсмотрщика. Как бы он хотел, чтобы за рулем оказался дядя Вова, а не смурной Аристов, всем видом показывающий презрение к пассажиру. Водитель открыто игнорировал присутствие мальчика, словно на соседнем сидении никого нет, а сам он просто едет патрулировать. Рома попытался пару раз завести с ним разговор, но тот ограничивался короткими ответами по типу «да» и «нет».

УАЗика затормозил у двора Громовых, и Аристов молча поднял брови, как бы спрашивая, почему мальчик всё ещё в машине. Сглотнув ком, Рома трясущейся рукой открыл дверь и выскользнул на улицу, обнимая себя за плечи.

— Спасибо... — прошептал он, однако вряд ли Аристов слышал, тронувшись моментально, как только мальчишка оказался за пределами служебного автомобиля.

Перед мальчиком вырос неприветливый угрюмый дом, над которым зловеще сгустились черные тучи, обещая самый холодный и яростный дождь. А ведь не так давно он был его тихой обителью, той самой крепостью, где душа находит отдохновение. До того, пока эту крепость не занял враг. Псина в вольере разрывала глотку лаем, насакивая на сетку-рабицу. Звенья щелкали после каждого толчка лап; было слышно, как пёс берет разгон из одного края вольера и на полном ходу врывается в другой, одержимый жаждой крови. Так хотелось заткнуть эту тварь, чтобы не привлекала внимание деспотичного хозяина. Сорвалась первая капля, с глухим стуком упавшая Роме на ухо. Он посмотрел в небо, обхватил себя руками и зажмурился, когда заряд капель начал приземляться на олимпийку и лицо. Небо будто опрокинулось на него тропическим ливнем, за секунды вымочив до костей. Вода ощущалась как бурная морская волна, поглощающая с головой. Дождь барабанил так, словно ненавидел крыши домов, заборы, землю, окна и людей, которым не повезло в этот момент оказаться снаружи. Пробиваясь через черноту непогоды, на крыльце дома загорелся желтый свет. Ромка вздрогнул, предчувствуя, как отец выходит из дома и сползает по ступенькам шаткой походкой. Он уже при-

готовился получить затрещину, слизывая с губ дождевую воду. Среди какофонии шипящих капель мальчик разобрал торопливые шаги, голубая калитка скрипнула, и встревоженное лицо матери показалось из-за неё.

— Рома! — она на выдохе подбежала к сыну и приобняла его за плечи, подталкивая во двор. Они вдвоем шлепали по лужам, взбегая на крыльцо. — Солнышко, да ты весь промок! — Женщина была на грани плача, руки её дрожали, пока она стаскивала насквозь мокрую олимпийку.

— Я не принес... — голос по-дурацки вибрировал из-за трясучки, и со стороны казалось, будто Рома заикается.

— Не думай об этом, — мать отмахнулась, взгляд её стал железным. — Скорее в дом!

Она буквально втокнула ребёнка в его родной дом, встречая сопротивление на пороге. Дверь за Олесей закрылась, поглотив шум воды. В нос ударил прогорклый запах табака, но он разительно отличался от того, что Рома унюхал в кабинете Воронцова. У лейтенанта был терпкий аромат, кружащий облаком в аккордах духов, а запах в доме раздражал слизистую, протягивая щупальца зловонного яда в легкие. В нем четко угадывалась примесь дешевых смол, придающая душок горелой резины. Из кухни раздавались пьяные голоса и звон рюмок; проходя в свою комнату, Рома уловил нотки порезанного на дольки лимона и шоколадно-древесную горечь напитка. Так мог пахнуть именно коньяк.

Задавая немой вопрос, Ромка обернулся на мать. Та медленно моргнула, поджимая губы. Она сама достала выпивку, поняв, что сын не успеет ко времени. Глаза мальчика сощурились, а брови сбились на переносице, образуя силуэт орлиных крыльев. Он буравил радужками свежий, замазанный тональным кремом синяк над верхней губой матери. Когда Рома уходил, этого точно еще не было.

— Не обращай внимания, пустяки, — Олеся помотала головой, пытаясь улыбнуться, но это скорее походило на спазм нерва. В этой жуткой пародии на улыбку Ромка заметил пустоты там, где ещё днём были верхние резцы.

Слёзы подкатили к горлу, щипая ноздри, но мальчишка проглотил их, топя в недрах живота. Нельзя проявлять слабость. Он так берег мать, так старался защитить, и сейчас будет ошибкой сплеховать и разреветься при ней. Они вместе сидели в комнате Ромы; мальчик забрался на постель с ногами, а мать расположилась полубоком, с тревогой поглядывая на дверь. Олеся подвинула к нему стопку сухой одежды, и Ромка тут же облачился в длинные шорты и черную футболку. Дверь на кухню была распахнута, и обрывки разговоров долетали до их слуха довольно четко.

— Ну ты мочишь, Папирус! Пианино! — говоривший закашлялся сквозь смех, выражая потрясение. — Ты как его скомуниздил-то вообще?

— А тебе скажи, — приснул второй голос, — ловкость рук, так сказать.

— Та у него ключ от хаты был, он же раньше с этой тёлкой жил, вот и воспользовался случаем! — каркнул отец, вызывая дребезжание других смешков. — Завтра загоним на рынке в Дивнодольске, менты и почесаться не успеют.

— Нам бы по-хорошему чем посерьезнее заняться... — четвертый, судя по звуку, затянулся сигаретой. — Надо будет перетереть с человечком одним, может, наладит мосты...

— Слышь, братва, а время сколько?

— Дык уже семь, а что?

На это отец лишь злобно усмехнулся, чиркая зажигалкой, чтобы прикурить.

— Олеся! — рявкнул Василий, и мать как по команде вскочила на ноги, с готовностью выбегая в коридор.

Ромка фыркнул, отворачивая лицо к ковру на стене. Дрессированная, как псина в вольере. Он до безумия любил мать, но в ту же минуту испытывал к ней что-то среднее между жалостью и отвращением. Как она так может себя вести? Почему никогда не дает отпор?

Очень скоро по коридору разнесся топот. Василий с ноги толкнул дверь в спальню сына и прошагал в центр, сверля того стеклянными мутными глазами.

— Опоздал, — на смешке выдал он, однако веселости в этом не было. Только предвестник скорой экзекуции. — Еще и за бухлом мать ходила. Не стыдно, блять?! — Он подался вперед, продавливая авторитетом, заставляя сжиматься в комок и отводить взгляд первым. Но Ромка продолжал смотреть, тараня ладони сжатыми намертво пальцами. — Вставай! — прошипел отец, распаляясь еще больше от упрямства сына.

— Васенька! — Олеся снова попыталась докричаться до голоса разума в пьяной голове, за что и поплатилась. Муж хлестнул её наотмашь, ногой выпинывая в коридор. Женщина издала сдавленный выкрик и затихла у стены, прикрывая себя руками. Дружки на кухне продолжали звенеть рюмками и беседовать, будто ничего не происходило.

— На этот раз мамаша тебе не поможет. Вставай, сучонок! — Василий не мог допускать, чтобы отпрыск ставил под сомнение его авторитет. Непокорность и своеобразие Ромы выводили его из себя; матерый бандит привык, что ему подчиняются безропотно, а если нет... Всегда можно сломать. Видя, что пацан не реагирует, он схватил его за шкурку и потащил на улицу мимо матери у стены и пьяных дружков на кухне.

Громов вёл мальчишку как приговоренного на казнь, совершенно не заботясь о его комфорте. Он тряс его, рывками уводил из стороны в сторону, встряхивал, чтобы наверняка подавить в нем эту раздражающую привычку пререкаться.

— Пусти! — во всю глотку крикнул Рома, изворачиваясь в жесткой хватке отца.

Василий размахнулся и откинул сына так, что Рома стукнулся о землю и прокатился по ней метр, счесав кожу на руках и на щеке. Мужчина поравнялся с вольером, щелкая замком. Пёс тут же послушно подполз на брюхе, виляя обрубок хвоста. Громов обхватил коричневый кожаный ошейник и дернул пса вверх, побуждая встать и выйти наружу. Он вырос перед Ромой, прижимая к ноге ротвейлера. Пёс утробно рычал, наострив уши в направлении мальчика, но всё посматривал на хозяина, не решаясь двинуться. Василий неотрывно следил за эмоциями на лице Ромки, выискивая там страх или хотя бы испуг, но видел лишь настороженность. Ему это не нравилось.

— Взять! — распорядился Громов, отпуская ошейник. Пёс рванул к мальчику; Рома инстинктивно прикрыл лицо, отползая. — Ко мне, Граф! — гаркнул он, когда между псиной и ребёнком оставались ничтожные сантиметры. Ротвейлер сменил курс, возвращаясь к ноге хозяина, будто его швырнуло назад рикошетом. Пальцы снова обвили ошейник.

Рома дрожал. Это выходило само собой. Резкий выброс адреналина вызвал настоящие конвульсии, на что Василий довольно усмехнулся.

— Взять! — Псина опять ринулась к мальчику. Рома вскрикнул, снова закрывая лицо. — Ко мне! — В голосе отца сквозила настоящая улыбка. Он поглаживал пса по макушке, наблюдая, как трясется нижняя губа мальчишки в рыданиях.

Ромка стоял на четвереньках, упираясь ладонями в землю. Карие радужки темнели на фоне покрасневших белков глаз, слёзы срывались, как дождь, что сейчас немного затих. Он закусывал губу, уговаривая себя прекратить, но не помогало. Он был напуган и не мог ничего сделать.

— Надеюсь, ты понял, кто здесь главный? — Василий насмешливо вскинул подбородок, глядя на отпрыска свысока. — В следующий раз команда будет только одна, — метнул он явную угрозу и завёл ротвейлера обратно в вольер.

В этот четверг он всё же решил посетить школу. Сиваконь какое-то время промывал Ромке мозги насчет успеваемости, но довольно скоро осознал, что это без толку. Учителя шокировало падение показателей ученика, когда еще в прошлом году Рома уверенно держался

в хорошистах. Классный руководитель звонил домой, вызывал мать на личную беседу, которая обычно заканчивалась обещаниями проконтролировать ситуацию, но по итогу менялось лишь платье Олеси в каждую новую встречу.

Затем пошли систематические прогулы. Роме попросту не хотелось, чтобы одноклассники в очередной раз пялились на новые синяки и ссадины, шушукаясь между собой. Большую часть времени он проводил на улице, слоняясь по посёлку с Жожиком, а если и появлялся в стенах школы, то не упускал возможность обобрать какого-нибудь одинокого ученика или сорвать на ком-то злость. Последняя накопилась в нем с избытком. Отец требовал выпивку и избивал сына в том случае, если тот возвращался с пустыми руками. Для этого нужны деньги, и выход мальчик нашел в «поборах», стряхивая рубль-другой у школьников. Он научился давить силой, внушать страх и шел до конца, утратив чувство тормоза.

Главным атрибутом стал охотничий нож, подаренный отцом, когда тот был в хорошем расположении духа, что случалось редко. Возможно, это и подстегнуло мальчишку промышлять разбоем. Всяко проще запугать, имея при себе оружие. Нож работал безотказно, стоило Роме сверкнуть им у лица жертвы. Перемены в нем определенно произошли, это в первую очередь отметили в школе. Обычно тихий добрый Рома вдруг обернулся настоящим зверенышем, огрызаясь с учителями, сбегая с уроков, терроризируя других учеников. Он уже попадал с ножом в кабинет директора, но по неизвестной причине покидал его без особых последствий после звонка отцу. Тот что-то эмоционально говорил директору в трубку, а затем секретарь просто выставлял мальчика за дверь.

Вскоре весь педагогический состав просто махнул рукой, устав с ним бороться. Никакие походы к директору и разговоры с родителями не возымели эффекта. Отныне бывший хорошист Рома занимал нишу отпетого хулигана школы вместе со своим верным другом Гошей Лимом. Второй проявил себя после того, как их дуэтом стал руководить Ромка. Они и раньше хорошо общались, а теперь стали не разлей вода.

И всё же была в его жизни та самая звезда пленительного счастья. Среди непроглядной тьмы, упавшей на его судьбу кляксой дёгтя, сияли призывной синевой глаза Юноны Евсеевой. Исключительная девочка. Не похожая ни на кого, кто посещал эту школу. Она перешла к ним в класс недавно, переехав из города Заречного. Местный травник и фельдшер на пенсии дед Тихон взял внучку на попечение после трагической гибели её родителей. Как правило, никто не расспрашивал её о подробностях, не принято было поднимать такую страшную тему, но Ромка слышал от местных сплетниц, что это была автомобильная авария.

Юнона изумила Ромку в первую очередь особой, утонченной красотой. Она походила на Наташу Ростову своими повадками — вроде бы так звали героиню из фильма, который как-то смотрела мать по телевизору. Не то чтобы Рома слыл заядлым любителем литературы (тогда бы он точно знал, что персонаж фильма взят из книги), но запомнил её поведение на экране, пока ждал, когда же закончится это нудное кино и начнутся мультики.

Среди ватаги привычных, возможно даже посредственных одноклассниц Евсеева казалась ему белым лебедем. Что-то новое, диковинное, приятное глазу. Она виртуозно управлялась со скрипкой, знала поименно почти всех музыкальных классиков, была увлечена Шекспиром, но ни в какую не хотела увлечься Грозовым. Как Ромка ни пытался обратить на себя её внимание, всё заканчивалось провалом. С другой стороны, он понимал, что ему никогда не угнаться за ней. Куда ему, неотесанному и приземленному? Однако упрямая его часть противилась, требуя признания. Чем он хуже? Он и постоять за неё сможет, и цветы преподнести, и ещё кучу всяких дурацких глупостей, которые так любят девчонки.

Он подкараулил её у школьных ворот, хотел проводить домой. Жожик задержался, чтобы помочь Аристовой подежурить после уроков, и Рома тоже решил не терять время понапрасну.

— Привет, красотка! Позволь проводить тебя! А то, сама знаешь, ходят тут всякие, — он уже в сотый раз репетировал, подбирая более выгодную интонацию, и оттачивал жест, с

которым это скажет. Вот оно! Расправит плечи, вскинет подбородок, прошествует перед ней как крутой парень из маминых сопливых сериалов и обязательно подмигнет — точно! Это определено её сразит.

Самодовольная улыбка рассеялась, когда Ромка повернулся лицом к зданию школы. Юнона вышла на улицу, откидывая за спину каштановые волосы, и стала крутиться на месте, словно ожидая чего-то. Или кого-то. Не позволяя волнению захлестнуть с головой, Ромка помчался к ней, скользя по ушлому слою льда под снежной порошей.

— Привет! — На этом он едва не распластался перед девочкой, но вовремя сообразил ухватиться за колонну. — П-позволь п-проводить тебя!.. — Боевой настрой таял под холодно-кровным, даже враждебным взглядом. — А то... сама знаешь... — Он будто был актером, забывшим реплику в самый ответственный момент, и поглядывал себе за плечо, словно в поисках воображаемого суфлера.

— Гром, чего тебе? — голос её, обычно нежный и мелодичный, вдруг сделался нервным и острым, как лезвие его ножа.

— Да я... п-проводить...

— Себя проводи, Громов, — отрезала она, делая новый взмах волосами, — нам с тобой говорить не о чем. Достал уже всюду за мной бегать! Как собачонка! — Она скривила нос, выказывая абсолютное омерзение на лице.

Это здорово пошатнуло Рому. От растерянности он даже не сразу придумал, что ответить. Мальчик раскрыл рот, выразительные карие глаза в смятении распахнулись, подбрасывая ввысь острые густые брови. Из горла выходили выдохи, что так и не смогли полноценно перерасти в слова.

— С-собачонка?.. — прохрипел он, всё ещё затуманенный внезапным напором девочки.

— Собачонка, — отчеканила она, смирив его взглядом, — приставучая, наглая дворняжка. — Бросила она это так ядовито, что Рома отступил на шаг. Евсеева повернула лицо к дверям, когда те скрипнули, и на улицу вышел Альберт Елецкий. Девчонка как по команде изменилась в лице. Она излучала такое дружелюбие и доброту, что Ромка ужаснулся. Не она ли секунду назад была готова перегрызть ему глотку? — Алик!

Громов проследил, как Юна подбежала к Елецкому и протолкнула свою руку ему под бок, обхватывая его предплечье. Она тут же принялась увлеченно щебетать ему что-то тем самым сладким, как патока, голоском. Елецкий улыбнулся ей и перевел насмешливый взор на Громова.

— Что, Громик, заблудился? Или ищешь, кого обчистить?

— Язык прикуси, ржавый! — понизив голос, рыкнул Ромка, сверля того исподлобья.

— Ха! Оригинально... — Елецкий хмыкнул, бросая многозначительный взгляд на Юну, которая ответила тем же. — Ну ладно, Гром, не будем отвлекать тебя от гоп-стопа, бывай! — проговорил Альберт, проходя к воротам под ручку с Юноной, и щелкнул пальцами на прощание.

Ромка стиснул нож в кармане кожанки. Так хотелось догнать этого козла и вырезать ему язык! Нижняя челюсть буквально срослась с верхней, так сильно он сжимал их, воспаляя глазами следы этих двоих на снегу.

Собачонка? Дворняжка?

Мальчик сглотнул ком в горле. Пара соленых слезинок-таки успели прорваться через дамбу его выдержки. Он тут же вытер их ледяным рукавом кожанки, поднимая лицо к небу и шустро моргая. Елецкий был сыном местного владельца ларьков. В одном только поселке стояло три таких с вывеской «Боярин», а уж за его пределами штук шесть в Дивнодольске. Это были небольшие магазинчики с продовольствием, и они приносили прибыль предпринимателю Елецкому. Пусть даже время было непростым, но покупатели все равно заходили туда за булкой хлеба или пачкой масла. Семья Елецкого уж точно не нуждалась, в отличие

от большинства других жителей в поселке, коим месяцами могли не выплачивать зарплату. Должно быть, тоже дворняжки?

В этот день чувства Ромы к Юноне всерьез пострадали. Он прежде не видел её с такого ракурса. Она, конечно, и до этого общалась с Елецким, да и Ромка делал кучу попыток с ней сблизиться, но так полоснуть она позволила себе лишь сейчас. Евсеева выбрала рыжего из-за отцовского кошелька — это ясно.

— Ромыч, я закончил! Ты чего тут булки морозишь, ёпта? — Рома даже не сразу услышал Жожу, пытящего за его спиной как локомотив. Корейчик согнулся, пытаясь отдышаться, и смотрел на друга снизу вверх. — Ты че это?.. — Лим нахмурился, замечая мрачное настроение Громова.

— Пошли домой, Жожик. Настрой — аж выть охота... — Он поник, сунув руки в карманы кожанки, и пошел вперед, хрустя снегом.

Гоша выпрямился и принялся изучать местность взглядом, будто сыщик, собирающий картину происшествия по деталям. Вдалеке ещё виднелись спины уходящих Юны и Альберта; Жожик смекнул, что здесь явно что-то было, но даже не мог предположить, что такого мог сказать Елецкий, чтобы довести Ромку до состояния едва ли не скорби. Он зашагал следом, становясь по правую руку от Ромки, и осторожно поглядывал на тяжелый задумчивый профиль друга, пока они молча шли по проселочной дороге. Гоша не спрашивал, но и молчание между ними затянулось, вызывая желание как можно скорее его прервать.

— Ромыч, че тебе эта рыжая падла ляпнула? Давай догоним и хохотальник ему разрисуем, ёпта?! — Он взмахнул кулаками, с боевой готовностью смотря в ту сторону, где были Юнона и Альберт.

— Юнка с ним ушла, — выдохнул Рома, — он у нас жених завидный, ему деньги ляжки жгут.

Жожик с минуту переваривал сказанное, а потом вдруг залился визгливым заразительным смехом, вынуждая Ромку вытаращиться на него.

— Ха-ха-аа! Ромыч, да ты радоваться должен, ёпта! Тебе зачем такая шкура? Даже если бы срослось чего, она бы тебя все равно кинула, бля буду, ёптить!

— Думаешь? — Брови Ромки стали понемногу разглаживаться.

— А че, не видно? — хмыкнул Жожа с иронией. — Она только что при тебе капусту выбрала!

Ромка сместил радужки на снег под ногами. Слова Жожика звучали правдиво и вполне себе логично. К тому же Рому здорово шокировало поведение девчонки, вышибая напрочь ассоциацию с белым лебедем. Тем временем Жожа продолжил:

— Вот посмотришь! У Ели бабки закончатся — она и его кинет!

— Что? Ели? — Ромка хохотнул, щурясь.

— Ну а че? Ты его видел? Сухостой в пиджаке! — прыснул Гоша, показательно втянув щеки, как бы подчеркивая высокий рост и худобу Елецкого.

Рома уже вовсю смеялся, качая головой. Карие глаза его заблестели от веселья; он был искренне благодарен судьбе за такого друга. Стоило Жоже заговорить — проблемы и переживания тут же складывались в бумажный самолётик и улетали в закат.

— Еля-пустомеля! — добавил Лим, хохоча вместе с другом.

Ларёк «Боярин» высился по левую сторону от них, выделяясь на фоне блеклых домов оранжевой кровлей. Ромка оглядел его хмуро, а Жожик придиричиво изучал вывеску, кривя губы.

— Не дерзи царю, боярин, будешь палкой отхуярен, — выдал Жожа, поведя плечом, и скосил глаза на Ромку с плутовской усмешкой.

Мальчики несколько секунд помолчали, прежде чем загоготать на всю улицу как пара безумных гиен.

Лейтенант чиркал ручкой по желтоватой бумаге, заполняя очередной протокол. Из освещения была настольная лампа и голубой свет луны в окне. Ткнув стержнем в лист, чтобы поставить точку, Воронцов мельком посмотрел на часы. Стрелки показывали полночь. Мужчина отложил ручку и потёр большим и указательным пальцами переносицу, зажмурившись. До этой минуты он не замечал тягучей усталости в мышцах, которая теперь растекалась подсолнечным маслом в руках, спине и веках. Он скосил глаза на окно. Снаружи пурга разносила выпавший снег, вздымая его, и потрошила свежие сугробы. Разворачивалась настоящая буря, напоминая непроглядной стеной снега песчаную в пустыне. Стёкла дребезжали, ветер проникал в помещение, свистя и завывая. Лейтенант укутался в бушлат и застегнул его на все пуговицы; он вышел из-за стола, щелкнул кнопку на электрическом чайнике и потёр затекшую шею ладонью. Работы предстояло много — было бы паршиво, если бы он заледенел здесь к утру.

Едва Воронцов опрокинул горстку чая в кружку, как раздался монотонный стук в дверь. Милиционер вскинул подбородок, упираясь прищуром в проем.

— Да.

Получив разрешение, Дементьев протиснулся внутрь, на мгновение впуская в кабинет шумы из коридора. Кто-то настойчиво звонил дежурному, и тот чертыхался, бросая бутерброд и хватая трубку, лишь бы прекратить назойливый звон. Мужчина как-то неуверенно топтался на месте, прокручивая в пальцах шапку-ушанку.

Вливая кипяток в кружку, Воронцов приподнял брови, как бы говоря, что слушает.

— Вов, там это... — грузный мужчина ткнул пальцем себе за спину.

Лейтенант перевел на него усталый взгляд, не моргая, глядя в ожидании продолжения, но Дементьев только пыхтел на весь кабинет.

— Алексеич, ты игратья пришел или шо? Давай рожай активнее! И без сопливых скользко, а ты тут вспоминаешь про первый поцелуй! — Кружка с чаем грохнула о крышку стола, за малым не растеряв содержимое.

— Да там... мальчишка этот... Громов... возле дежурного сидит...

Милиционер свёл брови, рисуя зазубрины из морщин. Он снова посмотрел на Дементьева, взгляд лейтенанта подернулся глубокой задумчивостью и чем-то колким.

— А от меня шо требуется? Благословить тебя, чтобы ты его домой довез? Ну шо за ясельки, в самом деле! — Воронцов ударил по столу ладонью, на что Дементьев сглотнул.

— Вова, он к тебе, — почти прошептал Алексеич, выдавая смутную тревогу.

И тут лейтенант задумался. Изнуренный мозг просто упустил одну важную деталь: сейчас ночь, на улице отвратительная погода, а мальчишка слоняется без присмотра. Стопка листов, которые еще предстоит заполнить, взирала на него тяжким грузом, но в коридоре сидел ребёнок и ждал помощи именно от него. Внутренне опасаясь того, что может увидеть там, Воронцов обошел Дементьева и шагнул за дверь.

Подойдя к стойке дежурного, Владимир наткнулся на Рому, сидящего на скамейке. Тот прятал лицо, глядя в пол. На нем был бессменный спортивный костюм и кожанка, на голове — черная шапка, совсем не прикрывающая уши. Не самый теплый наряд для погоды за окном.

— Малец, — позвал Воронцов, Рома вскинул голову в ответ, — шо по ночи блукаешь?

— Я... — радужки его забегали, пока Ромка придумывал правдоподобную речь. — Я гулял и заблудился. Темно ведь... Можно я у вас побуду?

Такая неискусная ложь, конечно же, плавала на поверхности. Милиционер вздохнул и пересекся глазами с дежурным, покачавшим головой. Они поняли друг друга без слов.

— Заходи, шо уж там. Чаю попьешь, а то вон... дрожишь, как цуцик, — Воронцов показал на него ладонью, тут же опуская руку.

В кабинете Ромка тут же разместился на стуле, на котором сидел в прошлый раз. Дрожь понемногу унималась, его внимание привлекла кружка со столбиком горячего пара. Воронцов прошагал к столу и подвинул ёмкость ближе к мальчишке. Ромка с неким опасением и смущением взглянул на лейтенанта, задрал голову.

— Пей, пей, отогревай косточки! — В уголках глаз милиционера скопились морщинки, образуя гусиные лапки, когда он слегка улыбнулся.

Рома придвинул к себе кружку, обнимая её ладонями, вбирая в себя сладостное тепло. Он втянул ноздрями запах, и столбик пара устремился ему в нос. Душистый аромат бергамота. Мальчик отхлебнул немного, чувствуя, как чай затапливает грудь и живот горячей лавиной.

— У чая зачетный запах... — протянул Рома, смакуя.

— Мой любимый, — отозвался Воронцов, — обожаю бергамот. Ещё бабушка моя поила меня этим чаем в далеком детстве.

— Он вам бабушку напоминает? — догадался Рома, усмехнувшись.

— Да... есть такое... — с легкой грустью вздохнул милиционер, на короткий миг окунаясь в тот самый домик с окнами в сад на правом берегу Дона. — Ты мне вот шо скажи, ты как ночью на улице оказался?

Блеск в глазах Ромки помутнел. Он спрятал улыбку и откинулся на спинку стула, скрепчивая руки и хмурясь. Что он мог сказать? Что папаша в очередной раз допился до белочки и выгнал его в темень?

Впрочем, Воронцову не требовались объяснения. Он слишком хорошо знаком с порядками этой семейки. Ответ на его вопрос был таким же очевидным, как прозрачная гладь озера Байкал в ясный день. Он искренне жалел Ромку — как-никак это ребёнок женщины, которую лейтенант нежно любил в школе. Олеся расцвела раньше всех в классе и своей красотой будоражила умы парней. Она могла выбрать любого — только руку протяни, но по итогу бесшабашный Громов, можно сказать, урвал её напористостью и самоуверенностью.

Вова был слишком воспитан и сдержан для безрассудства и запредельных касаний пониже поясницы, а вот Василий брал всё, что хотел, и не принимал отказов. Дальше трогательной дружбы у Воронцова и Ермолаевой, каковой Олеся была до замужества, дело не зашло.

— Громов сегодня не в настроении... — вдруг выдал Ромка через губу.

Воронцов приподнял бровь, подаваясь вперед так, что черные волосы залил свет настольной лампы.

— Громов? — Интонация лейтенанта подпрыгнула. — Это ты так отца называешь?

— Да какой он мне отец?! — Ромка дёрнулся в раздражении. — Нам с мамкой без него жилось отлично... Солдафон херов...

— Громов, за языком следи! — отчеканил милиционер по слогам и заострил черты лица.

— Вы вообще знаете, что он устроил?! — Мальчишка выбросил на стол ладони, перегибаясь к лейтенанту. — Опять своих дружков вонючих привел! А с ними такие же вонючие тёлки! — На этом Воронцов поджал губы, глаза его предупредительно сверкнули, но он не остановил поток речи мальчика. — Сидят сейчас там и бухают! А мамка у них как прислуга! Унеси, принеси, отвали... И она ни хрена с этим не делает! — Рома распалялся с каждым новым словом, вываливая на милиционера тяжесть невзгод, а Владимир внимал ему, откинувшись в кресле и вытянув ноги под столом. Рассудительный взгляд был прикован к лицу мальчишки, считывая мельчайшую деталь, любую перемену в смеси этих непростых эмоций. — Громов меня из дома выкинул, потому что я с какой-то тёлкой не поздоровался! — Он хлопнул по столу и сразу же закрыл лицо руками. — Я устал, дядя Вова... Я очень устал...

Повисла тишина. Ромкины плечи слегка вздрагивали, когда он шмыгал носом в ладони. Иногда у него прорывались приглушенные отрывистые вопли. Лейтенант наблюдал за ним в тени кабинета. Лампа освещала только стол и бумаги на нём, служа разделительной полосой между милиционером и Ромой. Воронцов подумал об Олеся, и желваки его зашевелились. На

что она себя подписала? И туда же втянула своего сына. Милиционер кашлянул в кулак и прочистил горло, привлекая внимание.

— Рома, — позвал он низким хриплым голосом, мальчишка замер, улавливая звуки, — во-первых, не тёлки, а девушки. В крайнем случае — женщины. Если надумаешь назвать женщину тёлкой, вспомни о том, что твоя мать тоже женщина. Во-вторых, успокойся, слезами ты никак делу не поможешь. В Дивнодольске есть неплохой интернат, если хочешь, то...

— Нет! — оборвал его Ромка, вертя головой. Солёные дорожки на его щеках метали блики из-за лампы. — Лучше уж с Громовым, чем в интернате!

— Ладно, забыли про интернат, — Воронцов придавливал слова к поверхности стола рукой, — чем я тогда могу помочь тебе? Вызвать отца на личную беседу?

Рома, выслушав его, повернул голову к шкафу. Карие радужки нырнули за угол, к пространству между шкафом и стеной. Гриф не торчал как в прошлый раз, но мальчик точно знал, что инструмент на месте.

— Научите играть? — Ромка посмотрел на мужчину с такой надеждой, что Воронцов на мгновение растерялся.

Лейтенант прищурился в том же направлении, куда смотрел Ромка, и вздохнул, крутя в пальцах карандаш. Тонна работы чахла в ожидании, когда милиционер возьмется за неё, но перед ним сидел живой человек, отчаянно ищущий поддержки хоть у кого-нибудь. Гонимый своим же отцом, промерзший до костей из-за того, что у матери не хватает духа защитить и его, и себя. Не в том ли заключается его работа — помогать людям?

Плюнув на бумажную волокиту, Воронцов поднялся и обогнул стол, продвигаясь по кабинету. Не глядя запустив руку за шкаф, лейтенант вытащил гитару и усмехнулся Ромке. Он прошел с ней обратно и подтащил кресло к стулу, на котором сидел Рома, чтобы мальчик мог видеть технику игры как можно ближе.

Для удобства лейтенант расстегнул бушлат и уложил гитару на бедро, опустившись в кресло. Руки моментально заняли заученные позиции, и проникновенная мелодия заплясала в кабинете милиционера, навевая ту самую ностальгию, какую Рома почувствовал в прошлый раз. Мальчишка пристально следил за движениями пальцев обеих рук Воронцова, жадно хватая взглядом каждый скачок фаланг со струны на струну. Он наблюдал, как скользит левая рука, придавливая аккорды, в какой последовательности, на каком моменте. Воронцов специально играл неторопливо, чтобы мальчишка уловил суть.

— Я учитель так себе, поэтому смотри и на ус наматывай! — хохотнул мужчина, смутившись. — Аккордов не так много, штук семь, может. Для начала С, — пальцы лейтенанта невообразимо растянулись по грифу, — дальше D... — они поменяли положение, становясь в совершенно другую позицию.

Рома слушал его с видом самого пытливого ученика. С, D, G, E... И это они не дошли до куплета! Милиционер показывал ему примерно восемь раз, как отыграть вступление, и в голове мало-помалу начало проясняться.

— Можно я? — выдохнул Рома, когда более-менее разобрался визуально. Мужчина кивнул и передал ему гитару.

Локоть он сразу уложил на корпус, фаланги левой кисти по памяти придавили струны на грифе, а пальцы правой руки стали перебирать их в том порядке, в каком это делал Воронцов. Поначалу правая рука сбивалась с ритма, застревая и путаясь в струнах, и Рома боязливо замирал, словно ожидал удара.

— Не дрейфь, Ромка! — подбодрил лейтенант, раскосо улыбаясь. — Для первого раза ты прям Паганини!

— Паганини скрипач, — усмехнулся мальчишка. Это он знал благодаря Юноне.

— Какая разница? Не учи дедушку кашлять, — шутливо отмахнулся Воронцов, щурясь.

— Одна любит, другая дразнится! — поддел его Ромка, возвращая излюбленное выражение лейтенанта ему же.

— Ну вот дичь всякую ты быстро схватываешь! — цокнул милиционер, но совсем беззлобно. — Подрастешь, я тебе оригинал расскажу.

Ромка хмыкнул и подцепил первую и вторую струны по очереди. Он уже понял, что секретом успешного обучения является повторение движений до автоматизма. Где-то через час он смог почти без запинок сыграть вступление, а потом стал пробовать и куплет. Было несколько трудно контролировать обе руки одновременно, но мальчишка не сдавался. Воронцов смотрел на него и не скрывал легкую полуулыбку. Удивительно, и все же мальчишка схватывал на лету всё, что касалось игры на гитаре. Этим он снова напомнил лейтенанту себя. Вова освоил навык примерно за две недели упорных тренировок, он играл практически постоянно, исключая время школьных занятий. Ему даже нравилось происходящее. Мужчина подумал: будь у него сын, то он обязательно бы научил отпрыска игре на гитаре, как сейчас обучал Ромку. Жаль только, это так и останется на уровне размышлений. Воронцов не так давно был женат, но брак распался из-за того, что дети у супругов так и не появились. Вова утаил от жены, что не может иметь детей, а когда признался, то она незамедлительно подала на развод.

А всё благодаря папаше с его извечным рвением сделать из сына вундеркинда со стальным здоровьем. Естественно, переохлаждение в суровые морозы сказалось пагубно на такой важной функции. Он по сей день помнил, как врач объяснял отцу, что внуков у того не предвидится.

За игрой на гитаре прошло примерно три часа. Стрелки пробили пять утра, когда за окном забрезжили розоватые пятна рассвета. Воронцов настолько увлекся процессом, что даже не позволил Дементьеву войти в кабинет, когда тот постучал. Ромка стал клевать носом, и лейтенант предложил ему подремать в своем рабочем кресле — оно было всяко просторнее деревянного стула. Накрыв ребёнка бушлатом, Воронцов всё же сел заполнять документы, отвернув лампу от мальчика, чтобы свет не тревожил его сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.